

Константин
Шеметов

МАГАЗИН ПОТЕРЯННОЙ ЛЮБВИ

Воображение
взамен утраченного —
эффективно, доступно и безболезненно.
Вероятно, в этом и состоит
следующая метафизическая мутация.
А на что мы рассчитывали,
в самом деле?

Константин Шеметов

Магазин потерянной любви

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023935

Магазин потерянной любви: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-93682-852-2

Аннотация

Главный герой романа, приёмщик брака одного из компьютерных магазинов Москвы, усталый и разочарованный действительностью, обнаруживает дневниковые записи своего давнего друга. Тот исчез несколько лет назад, оставив по себе лишь воспоминание и книжку: четыре тома неразделённой любви. В какой-то момент приёмщик решает продать эти записи, но чуть позже переживает озарение: если можно продать книжку о любви – почему бы не продать и саму любовь? Уж с браком он как-нибудь справится. Справился он или нет, и что из этого вышло, предстоит узнать читателю.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Приём брака	10
I	10
II	15
III	21
IV	27
V	36
VI	48
VII	58
Часть вторая. Комиссия	62
I	62
II	72
III	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Константин Шеметов

Магазин потерянной любви

©Шеметов К., 2013

©Геликон Плюс, макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Суть связей в реляционной базе данных лучше всего воспринимается при рассмотрении примеров.
(Из самоучителя по Microsoft Office Access 2007)*

*Да и что вообще можно ответить на вопросы людей?
(М. Узльбек, «Карта и территория»)*

Пролог

Известно, что поведение человека в некоторой степени влияет на структуру его мозга. В ходе нейрогенеза мозг приобретает вполне определённую характеристику, с которой человеку и жить до конца своих дней. Примерно к середине жизни клетки-синапсы получают достаточно информации и уже никуда не торопятся.

Не торопился и Митя Захаров, приёмщик брака.

Уже который год он работал в магазине «Прекрасный мир компьютеров» (компьютеры и комплектующие) и теперь точно знал, что устал. Сядет себе у монитора и смотрит часами в потухший экран. Иными словами, он достаточно насмотрелся и на брак, и на этот прекрасный мир. «Жизнь не так уж и тяжела, это просто испытание, которое надо выдержать», – прочёл он как-то у Мишеля Уэльбека, и нет-нет, а и задавался вопросом, а надо ли?

Складывалось впечатление, что Митя Захаров и его синапсы утратили всякую цель. Митя то и дело прогуливал, а синапсы и того хуже: они не отказывались от работы, но выполняли её лишь формально. В ходе передачи сигналов между нейронами синапсы намеренно искажали их характеристики. Они меняли амплитуду и частоту сигнала, затрудняя таким образом божий промысел и оставаясь безнаказанными.

Впрочем, испытание жизнью выдержит не каждый. На память приходил фотограф «Прекрасного мира» – Джони. Он устроился в магазин через год-два после Мити и тотчас привлёк внимание своей какой-то наивностью, что ли. Он или художник, думал Митя, или дурак. Джони будто с Луны свалился. Говорил мало, казалось, вдумчиво, но непонятно – мысль уплывала, что зачастую вызывало неловкость у окружающих. В основном это были складские рабочие и персонал торгового зала, а неловкости этот персонал не любил. Джони отгородил себе место в подвале и лишь изредка поднимался наверх взглянуть, что там творится.

Там же творилось не бог весть что: отворялись ворота, заезжал грузовик-другой, разгружался и уезжал. «Джони Фарагут», – представился он как-то раз и в растерянности замялся. «Гомес Антонио Викторович», – пошутил Митя и отвёл взгляд. Вот и ещё один попался, подумал он. Вряд ли этот Джони выдержит испытание жизнью.

К 2016 году процент брака в «Прекрасном мире» достиг немислимого уровня. Примерно четверть проданного товара возвращалась назад. «Антонио» едва справлялся. Работы существенно прибавилось, а зарплата ничуть – она какой была, такой и осталась. От прежней жизни лучшим воспоминанием у Мити была психиатрическая клиника в Лосином Острове, а большая часть денег уходила на алименты. В сущности, приёмщик брака выживал лишь благодаря предприимчивости. Время от времени он затевал какие-нибудь сделки

или даже крал при случае. Карту памяти, к примеру, материнскую плату, да пусть бы даже и провод какой. В его представлении это был своего рода натуральный обмен с обстоятельствами.

Джони так не сможет, не сомневался Митя ещё при первых знакомствах с ним. И точно – Джони не смог. Он едва справлялся с работой, уходил затемно – нечего было и думать о благоденствии. Джони выбрал не ту профессию, не тот магазин и не ту страну. Да и мог ли он вообще что-либо выбрать? Натаскает железа в подвал и давай снимать до поздней ночи.

Когда же снимать было нечего, Джони сидел за ноутбуком. Митя не раз заставлял его. «Что ты всё пишешь?» – спросил он как-то. «Рассказы всякие», – ответил Джони, а лет шесть назад дал почитать, да так и оставил. Это были четыре самодельные книжки в картонном переплёте и размером с жёсткий диск. Первую Митя кое-как пролистал, остальные закинул в коробку из-под липкой ленты и уже не вынимал оттуда.

Этот «писатель» имел довольно романтическую натуру, но в целом был скучен. Как, впрочем, и его книжка о неразделённой любви. В «Прекрасном мире» Джони влюбился в одну продавщицу из розничного отдела. И что ж? Да ничего. Вику Россохину Митя знал и раньше – так себе. Ясно, что ей требовался практичный человек и у Джони не было ни единого шанса. В рассказах он называл её «Vi» (Ви) и время от времени «Луизой». Уже на третий день Джони признался в

любви, а ещё через день Вика распростилась с ним. «Забудьте мой номер, – прислала она SMS, – и на этом всё».

Ясно, что Джони был разбит, но не терял надежды и в какой-то момент начал писать дневник. Вероятно, так он заполнял возникающую в подобных случаях пустоту. Митя примерно представлял это состояние, но не строил иллюзий: немного помучается – и всё пройдёт.

Как оказалось, не прошло. Миновали годы, и вот сегодня Захаров наткнулся на коробку со скотчем. С коробки на него поглядывала собака в красном круге с заострённым хвостом и бородой. Надпись у собаки гласила «Скотч терьер» и тут же: ООО «Нова Ролл – Скотч». Надо же, подумал Митя и заглянул в последние Джонины страницы. Стояла суббота. За окном мело. Джони вёл записи на протяжении шести лет и, судя по всему, так и не разлюбил свою продавщицу. Текст между тем читался на удивление легко. «Видно, расписался под конец, – Митя припомнил до боли невыразительный образ художника. – Где-то он сейчас? Может, и умер человек, как знать».

Пострадали и книжки. Их не раз заливало из туалета. Высыхая, они коробились. К тому же их точил червь и грызла мышь. Мышь то и дело бегала у коробки. Митя любил её, давал молока, а той, казалось, всё мало, и она будто тянулась к бескрайнему миру вымысла. В сущности, как позже заметит «Антонио Гомес», Джонины книжки и были этим счастливым миром. Митя отряхнул их и сложил в сумку. «Может,

продам где?» – мелькнула мысль.

Продать и в самом деле было где. Взять хотя бы магазины хенд мейд. Один за другим они открывались и в Москве, и где бы то ни было. Магазины торговали чем придётся, а главным критерием считалась ручная работа. Митя размечтался и уже видел приписку к ценнику: «Книжка неизвестного писателя в четырёх томах. История неразделённой любви. Вполне удавшаяся попытка воссоздать утраченную реальность в воображении».

И тут Захаров ощутил давно уже позабытое чувство необыкновенной лёгкости. Пусть и на короткий интервал, к нему вернулись силы и даже желание жить. Стоило сменить характер деятельности, думал он, и дело пошло.

Пошло, да не совсем. Ведь если разобраться, в последние несколько часов, размышляя о Джони, Митя занимался всё тем же приёмом брака. На что он рассчитывал? Несомненно, на прибыль. На прибыль существенную и баснословную. Казалось, он даже знал, как получить её. По меньшей мере, в голове крутилась схема. Пусть и не до конца детализированная, но схема. Механизм, функционирующий во множестве измерений. В своём роде Гильбертово пространство или даже гипотеза Римана – как данность современной математики.

Часть первая. Приём брака

I

Суббота подходила к концу. До окончания рабочего дня оставалось чуть больше часа. Отдел гарантийного обслуживания подбивал итоги. Для выходного вполне хватало. Митя Захаров получил десятка два сопроводительных документов («Форма № 1», – учил он как-то пойманную у окна муху), внёс их в компьютер и рассовал по полкам около сотни корбоек. Большую часть из них составлял действительно брак, остальные – возврат и преимущественно по прихоти покупателя. Людям не нравились цвет, форма, запах, качество материала, упаковка и то, как её открывать. Да и что вообще им могло понравиться? В большинстве случаев они не имели даже собственного мнения, а решение принимали спонтанно, безотчётно повинувшись маркетинговой атаке.

Люди сами что брак, то и дело злился Захаров, а зря. Ведь если разобраться, оно как раз и к лучшему. Половину возврата Митя проведёт как дефекты по вине покупателя и вскоре продаст. Нет, не зря он выбрал эту профессию. Теперь на вырученные деньги Митя купит секвенсор Doerfer и коллекционное издание Velvet Underground (шесть виниловых пластинок в оригинальной упаковке восемьдесят ше-

стого года).

Зачем ему секвенсор, он и сам не знал. Он давно завязал и с электрической музыкой, и с этой его группой. Jesus Christ VIP Star дали последний концерт ещё позапрошлой зимой. По обыкновению, концерт закончился дракой. В сущности, вспоминал чуть позже Михаил Дмитриевич Антипов (Миша Вивисектор), вдохновитель проекта, этот Иисус Христос дрался не со зрителями и даже не с нацистами из Твери в «Плане Б». Jesus Christ, подытожил он, дрались со всем миром, а кому надо такое искусство? Вскоре участники группы записали, как и хотели, компакт-диск и на этом расстались.

Впрочем, Velvet Underground тоже были прихотью. Как и любительская музыка, коллекционирование чего попало не приносило долгосрочной радости: потрогал, послушал и забыл. Не радовал и предстоящий выходной. Не говоря уже о буднях. Образно Митя сравнивал свою работу с противостоянием терроризму. В понедельник Талибан подтягивал силы и брал заложников. Во вторник солдаты Аллаха выставляли свои требования и нюхали кокаин. В среду эти мученики Господа убивали мужчин, в четверг – женщин, а в пятницу – стариков и детей. В ночь на субботу приходили омоновцы, пукали газ, и к утру наступало затишье.

Как и сегодня, затишье длилось более-менее до сумерек. Митя собирался уходить. Найденные книжки – одна к другой – уже заняли место в его голове. Хотя бы суббота прошла – уже хорошо.

Да не тут-то было. Без пятнадцати шесть явился клиент. Как же некстати. «Главмусор, – представился он, – пятьсот светодиодных ламп Flexled, – и протянул руку. Митя как сидел, так и сидел. Откуда мне знать, за что он брался, думал Захаров. «Главмусор» то и дело закупался в «Прекрасном мире», а светодиодные лампы Flexled как раз и являлись интеллектуальной собственностью этого «Мира». Лампы доставлялись из Восточного Китая. Что ж у них за рабочие такие? – недоумевал Митя. Рабочие «Коллекшн Энтерпрайз» из Шеньженя и вправду работали спустя рукава. Зачастую их товар не подлежал ремонту и его можно было разве что выкинуть на помойку. Всякий раз лампы Flexled учитывались как испорченные при транспортировке и списывались. Возврат наличности по ним не производился, и «Главмусор» мог рассчитывать лишь на судебную тяжбу.

В действительности же бракованные лампы вновь поступали в продажу, и так без конца. Акция приносила существенную прибыль. Тут что с мышью в коробке «Скотч Терьер» – мышь ела, сколько хотела, а Митя ещё и молока ей давал.

– Извините, – сказал он, – мы можем это только списать. Будете забирать?

Нет, забирать он не будет. Худощавый молодой человек явно обиделся и на прощанье вскинул руками. Бодрости у него поубавилось. С досады он хлопнул дверью и поплёлся

к своей «газели». Та поджидала его на стоянке и будто восклицала: «Видишь, с тобой только бензин жечь!»

Расход топлива у «газели» составляет от 10 до 18 литров на 100 километров. Подумать только – от Мухосранска и обратно экспедитор сжёт полтонны горючего. Ну и что, что на ней красовался логотип «Главмусора»? – спросит иной. В том-то и дело – машина как раз и была этим самым мусором. А экспедитор, впрочем, как и светодиодные лампы Flexled, и Митя Захаров, приёмщик брака, представлял собой неотъемлемую часть «Прекрасного мира компьютеров». Круг замкнулся, и Митя понимал, что больше так не может.

Проводив клиента, он полез в Джонины книжки.

«Вывоз мусора, – писал тот, давая заключительную характеристику своим чувствам к Vi, – задача не из простых. Её выполнение требует больших усилий, концентрации ума и здоровья». Пожалуй, Джони прав. Митя выключил компьютер и оделся. Куда ни кинь – валялся мусор. Он перекачивался под ногами, взлетал от ветра и носился в бескрайнем космосе. Мусор был что нейтринно, забирающие остаток энергии от затухающей звезды. Что ни говори, ситуация обескураживала.

Митя не знал, что и думать. Сев в машину, он включил The Stone Roses и закурил. Что за чудо эта «Манчестерская сцена», мелькнула мысль. Пожалуй, поеду через Полярную, так выйдет дольше, зато можно, никуда не торопясь, поразмыслить. Проблема мусора не отпускала. «Не отпускает», –

приходил он к одному и тому же. Как жаль, что он не экстремофил, а так прицепился бы подобно тихходке к космическому аппарату «Кассини» и кружил бы себе вокруг Сатурна. Впрочем, и в космосе летал мусор. Он попадался на встречу, перемещался вдоль орбит и тянулся к самому поясу астероидов.

В отличие от «газели» его BMW не тратила попусту бензин, шла ровно и почти беззвучно. Но проблема заключалась даже не столько в том, чтобы вывезти мусор, сколько в том, чтобы его утилизировать. Приёмщик брака знал об этом как никто другой. «У Джони в голове один мусор», – замечала Вика Россохина и едва ли ошибалась. Джонина голова, как и головы многих других людей, не справлялась. Накопленный там мусор едва вывозился. Об эффективной утилизации нечего было и думать – не хватало ни ума, ни здоровья.

Спустя минут сорок, покружив у «Ашана», Митя свернул на МКАД и надолго застрял там в бесконечной пробке.

II

В следующие две недели он не выходил из дому. Первым делом Митя Захаров отсканировал Джонины тексты, собрал в отдельные файлы попавшиеся там имена, номера телефонов, электронные адреса, ссылки на литературу и множество фотографий, беспорядочно раскиданных по страницам в виде миниатюр. Затем он составил и отправил письма по найденным адресам, хотя почти и не надеялся, что кто-то ответит. Скорей всего, рассуждал Митя, эти персонажи давно сменили свою почту, если вообще существовали в реальности, а не были лишь вымыслом.

Из примерно шестисот фотографий около трети были постановочными композициями, со своим названием и снятые каждый раз новой камерой. Они представляли собой в некотором роде натюрморты, собранные в основном из предметов офиса, книг и отпечатков предыдущих работ. Склонившись над изображениями, Митя никак не мог отделаться от ощущения болезни. Впрочем, художнику болезнь на пользу, успокаивал он себя, рассматривая в ACDSee крупные планы канцелярских скрепок, карандашей, телефонов, товарных чеков, фрагментов одежды, мусорной корзины и самого мусора, наконец. Совершенно бесполезные в творческом плане вещи на удивление подходили друг к другу и, за редким исключением, вполне соответствовали замыслу. Да, этот

Джони проделал недюжинную работу, заключил Митя и тут же позвонил Вике Россохиной.

Казалось, он занялся настоящим расследованием. Может, и вправду людям требуется детектив? Вопрос не праздный. Тут как с мусором: сколько ни вывози – всё зря. Взять хотя бы Доминика Ногеза с его «Бальзамировщиком». Вроде бы французский интеллектуал, а всё туда же. В Джонином списке, кстати, значились «Горький шоколад» этого же писателя и «Уэльбек как он есть». Вполне человеческая литература, рассуждал Митя. Детектив же всегда пугал приёмщика брака. Он вообще чурался любого расследования, налоговой проверки и комиссии МЧС, не говоря уже о полиции. Полицейских, а тем более русских милиционеров Митя ненавидел лютой ненавистью.

И что он прицепился к этому Ногезу? Разочаровать может кто угодно, пусть бы даже и Мишель Уэльбек. Третья часть его «Карты и территории», к примеру, – сплошь детектив, просто не верится. Митя и хотел, и нет.

– Привет, – ответила Вика Россохина, – кто вы?

– Дмитрий Александрович Захаров, приёмщик брака в «Прекрасном мире компьютеров», быть может, вы помните, – представился Митя и засомневался – а стоило ли вообще звонить? Голос у Вики был холодный, откровенно недовольный и не предвещал ничего путного.

Так и вышло. Да, она помнила и Митю, и Джони, но с Джони они давно расстались, и с тех пор она ничего о нём не

слышала. Последние SMS от него Вика получила году в две тысячи восьмом или девятом.

– На католическое Рождество, – сказала она. – 25 декабря Константин всегда что-нибудь придумывал.

– Константин?

– Ну да. «Константин, повелитель тьмы», помните этот фильм с Киану Ривзом?

Нет, Митя не помнил. Он вообще мало что смотрел из популярного кино. Как и в музыке, чаще всего он западал на андеграунд, а по мере его популяризации искал что-нибудь ещё, и так всякий раз.

– Это случайно не фильм Акиры Куросавы? – пошутил он.

Нет, это был не Акира. Не Синья Цукамото и не Тэдзука Осама с его распрекрасными мультиками. Таким образом, первый опыт расследования не удался. Как и следовало ожидать, Митя столкнулся с обыкновенной посредственностью. Вика и понятия не имела о глубине человеческих чувств. Джони не оставил в её судьбе ни единого следа. Иными словами, Киану Ривз хоть и считался неплохим актёром, но в сущности лишь быстро бегал, водил автобус и метко стрелял.

Что касается «Повелителя тьмы» – Митя кое-что разузнал в Интернете. Главный герой там Джон Константин (Киану Ривз) впутался в довольно неприятную историю с близнецами Додсон – Анджелой и Изабель (Рэйчел Вайс) и на протяжении всей ленты то ли искал выход, то ли их спасал.

К слову сказать, Вика Россохина тоже была астрологическим близнецом, впрочем, как и Ира Свириденко – первая Джонина любовь. Вот что он пишет про эту Иру осенью 2004-го: «Лучше бы мне не приезжать в Харьков. Из подтянутой школьницы с чудесным профилем она преобразилась в дородную не по годам женщину с манерами базарной тётки и жадную до денег». Судя по описанию «подтянутая школьница» держала частную аптеку, и в Джони её интересовали исключительно общественное положение и достаток.

Кое-что прояснялось. Джони родился первого ноября. По крайней мере, с точки зрения астрологии союз близнецов и скорпиона заранее обречён и крайне нежелателен. Союз этих знаков совершенно непродуктивен как в личном, так и в социальном плане. На что рассчитывал Киану Ривз – непонятно. Счастливый конец «Повелителя тьмы» весьма сомнителен, да и сбор от фильма оказался никудышным.

– Спасибо, Вика, – попрощался Митя с Викторией Россохиной, а заодно и с Ирой Свириденко. Из их с Ирой детства Джони особенно запомнилась её короткая юбка с рюшками, то, как она ела мороженное в цирке, ну и конечно, эти её истеричные припадки у школьной доски.

– До свидания, Дмитрий Александрович, – ответила Вика и повесила трубку.

Джони так и тянуло на отстой – вот первое, что приходило в голову. Впрочем, Митя и сам был хорош. И Митя, и добрая

половина человечества.

Находя себе пару, они вскоре разочаровывались, искали, находили снова, снова разочаровывались и так далее. Они словно попадали в замкнутую трубу. Тут Митя подумал о Большом адронном коллайдере. Этот ядерный ускоритель сталкивает элементарные частицы, преобразуя их массу в энергию. Энергии хватало ненадолго. В сущности, дело обстояло так: попав однажды в адронный коллайдер, люди кружились там со скоростью света и не знали, как выбраться обратно.

На прощанье Вика предположила, что Джони умер. Может, оно и к лучшему, вздохнула она, но как-то чересчур радостно, и Митя Захаров в одночасье сник. Будто что-то обрвалось внутри, вспоминал он позднее.

Впечатляет заключительная сцена расставания Джони с Ирой Свириденко. На этот раз расставание было хоть и мысленным, но, судя по тексту, желанным, и Митя надеялся – окончательным. В заметке под названием «Радужная сфера» художник отправляет Иру в воздушный полёт. Она поднимается высоко в небо на аэростате. Как и в большинстве случаев, Джони использует метафору. «Радужная сфера, – пишет он, – мало-помалу уносилась в бирюзовую даль. Гондола с аэронавтом неспешно покачивалась, словно кивая на прощанье. Всё это время Вика с любопытством наблюдала за происходящим, но так ничего и не спросила. Да и что было спрашивать?» – заключает фотограф «Прекрасного мира».

Шар упал неподалёку от могилы Максимилиана Волошина в Крыму. Джони сфотографировал место падения, фрагмент Чёрного моря с закатным солнцем и кое-что прихватил на память.

Митя сложил телефон и задумчиво уставился в окно. Несколько прутьев от гондолы, припомнил он, пуговица от Ириной блузки да поручень с отпечатками её пальцев. Ни на что не годные предметы.

Впрочем, как посмотреть. Ценность предмета – и приёмщик брака давно это уяснил – зависит в основном от текущих показателей спроса и предложения. Иначе говоря, не будь у Джони Вики Россохиной, рыночная стоимость прутьев была бы довольно высокой. Теперь же, чтобы их продать, требовались определённые вложения.

И о чём он только думает? Нет, в самом деле, эти Джонины книжки и вправду наводят на размышления. Другое дело, можно ли здесь пожить? Ни книжки, ни прутья от гондолы, ни тем более размышления просто так не продашь. Ни о каких вложениях Митя Захаров и не помышлял. И всё же, как ни крути, – это брак, а с браком всегда можно что-нибудь придумать.

III

Как Митя и предполагал, покончив с одной любовью, Джони принимался за следующую. Надо же так вляпаться. Который раз он повторял одну и ту же ошибку – отдавался любви всецело и без остатка, взамен получая в лучшем случае снисхождение. До Вики он имел уже несколько подобных связей, и каждый раз они заканчивались ничем. Джони то и дело запускал в небо радужную сферу, после чего собирал всё те же прутья и пуговицы.

Каково же разумное и допустимое количество повторов? Митя не знал. Он и сам повторялся. Тут как с селезнем в пруду. Если допустить, что селезень – вполне приличная утка, как, должно быть, ему стыдно подчас: метнётся за окунем и тут же назад, но уже поздно – окунь съеден. Повторение, таким образом, обусловлено несовершенством, передаётся половым путём и не зависит от уровня полученных знаний.

Тем интересней казалась задача. Незапланированный отпуск обещал новые открытия, и Митя намеревался не только извлечь из этого прибыль, но и разобраться, что к чему. Что ж он так мало читал в последние годы? – спрашивал Митя сам себя и лишь удивлялся.

Хотя зря удивлялся. В школе ему давали Пушкина с Лермонтовым да советских писателей. В начале двухтысячных он начитался «Голубого сала» и тут уж окончательно невзлю-

бил русскоязычную литературу. Впрочем, как и страну, в которой по случайности родился и которую его принуждали любить непонятно за что. За то, что родился здесь, настаивал Антон Павлович Чехов – ещё один русскоязычный гений. Теперь же этому драматургу вторило полстраны во главе с президентом. Фактически они требовали безоговорочного подчинения меньшинства большинству. Ни о какой любви при таких условиях не могло быть и речи.

Перечитав чуть позже диссидентов 70-х годов прошлого века, и в особенности Иосифа Бродского, Митя всё больше склонялся к западному мировоззрению. На каком-то этапе он и вовсе перестал читать. Это случилось около четырёх лет назад. Незадолго до того протестное движение в России достигло небывалых масштабов, но, так ничем и не разрешившись, постепенно стихло. Выдающуюся роль в то время сыграла пропаганда всего русского, не говоря уже о ненависти к США. Владимир Путин снова вернулся в Кремль, рассчитывая на пожизненное правление. Кто бы сомневался, горько усмехался Митя Захаров, с завистью наблюдая за сменой власти в цивилизованных странах. Регулярная сменяемость шла им только на пользу.

До него вдруг дошло, как огромна и непреодолима дистанция между этими двумя мирами. Видно, язык и вправду в значительной степени формирует сознание. Особенно запомнился отвратительный период Олимпиады в Сочи. Именно зимой четырнадцатого года Митя пережил острей-

шую нравственную дилемму самоубийства. Куда ни кинь – русские прославляли себя. Митя знал, что радоваться нечему, но никто не слушал его. Он был словно Бернхард Риман, предсказавший местоположение нулей с простыми числами, но так и не доказавший свою гипотезу. Вероятно, гуманизацию России тоже следовало бы включить в список «Задач тысячелетия», да кто будет решать такую задачу?

Белые ленты остались в прошлом.

Вслед за «Эхом Москвы» были преобразованы или закрыты каналы «Дождь» и RTVI, «Независимая газета», кабельные СМИ и наиболее «опасные» интернет-ресурсы. За два-три года от социальных сетей остались псевдокультурологические сайты наподобие «Московского дня» да клубы знакомств. Активисты демократических движений если и не были арестованы, то заметно поутихли или даже уехали из страны.

Иначе говоря, приличные люди затаились.

Как затаились и Митины знакомые. Они остерегались публики, почти все остались без работы, их судили, отправляли по тюрьмам и убивали на улицах города. Артемий Троицкий, к примеру. Митя познакомился с ним в одиннадцатом году в клубе «Хлеб». Вместе с Вивисектором и Пахомом они дали с десятков концертов, а в тринадцатом Артемия застрелил инспектор ДПС на митинге в защиту 31-й статьи Конституции. Даже не верится – эти митинги продолжались вплоть до минувшего Рождества, даже после смерти Эдуарда

Лимонова. На писателя, как ни в чём не бывало, упала сосулька неподалёку от Яузского моста. Эдуард Вениаминович скончался от потери крови по дороге в госпиталь, так и не придя в сознание.

Да кто только не пострадал! Ник Рок-н-Ролл осуждён на 20 лет за непредумышленное убийство проститутки, Женя Колтунов, журналист «Да Винчи лёнинг» – забит до смерти в полицейском участке, Оля Бушуева, корреспондент The New Times – застрелилась после изнасилования в метро, Саша Лазарев, друг детства и водитель троллейбуса – осуждён за пирсинг в ухе и, наконец, Матвей Юрьевич Ганапольский. Митя как-то чинил ему по телефону Windows XP. Жизнерадостный, предельно честный, приятный в общении человек, Матвей Юрьевич был схвачен за перевозку наркотиков в аэропорту «Внуково» и там же застрелен при попытке к бегству. Втайне Митя надеялся, что хотя бы Джони, этот «повелитель тьмы», жив и здоров.

Так что если Джони потерял любовь, то Митя – и он знал это наверняка – утратил свою Родину. Он будто приехал сюда по туристической путёвке и просрочил паспорт. Впрочем, судя по тексту, досталось и Джони. Пусть он и не сидел в тюрьме и не попадал в участок, но настрадался от режима будь здоров. В основном художник терпел нравственные мучения, и наиболее полно они отражены во втором и третьем томах его записей. Это период примерно с 2006 по 2010 год.

Если вдуматься, «Константин» выжил лишь благодаря

иностранный литературе. Образно выражаясь, эта литература была как его давний друг Ральф Мессенджер. Профессор руководил кафедрой когнитивных исследований в Глостерском университете неподалёку от Лондона. Именно Ральф согласился встроить в Джонину голову специальный микрочип, нивелирующий трудности повседневной жизни в современной России.

Но всему своё время. Честно говоря, на сегодня Митя лишь бегло просмотрел Джонины записи и толком пока не понял, где тут правда, а где вымысел. Да так ли это и важно? Зато прояснились замысел и порядок повествования: от заурядной влюблённости к осмысленному протесту. Без сомнения, ход событий у Джони подчинялся пусть на первый взгляд и абсурдному, но всё же естественному алгоритму. Более того, Митя угадывал здесь определённую эволюцию, о чём свидетельствовали и названия книг. От «Причин наследственности» (далее следовали «Вниз с паутины» и «Пустые коридоры») к «Магазину потерянной любви». Надо сказать, последняя тема притягивала особенно. Магазин как таковой всегда занимал Дмитрия Александровича, а возврат брака – тем более.

Как видим, ситуация вынуждала людей страдать. Те же, кто особо не высывался, всё равно чувствовали себя прескверно. По сути, они переживали особый вид диктатуры, чинимый «новыми коммунистами». С виду эти новые коммунисты были обыкновенными людьми, на деле же – одна

беда. Страна словно ополчилась на весь мир, и Митя утратил всякую веру.

Будущее РФ представлялось ему как долгий период деспотии с жесточайшей гражданской войной и последующим распадом. Скорей бы уже, думал он, но также и понимал, что ловить здесь нечего. Впрочем, и уехать он не мог. И даже не столько из-за громадных трудностей эмиграции, сколько из-за языка. Русский язык крепко связал его. Он пытался выучить сперва английский, затем французский и испанский, но всё без толку. Митя не мог связать даже двух украинских слов, не говоря уже о Большой Европе.

Размышления отняли полдня и вечер.

Митя кружился в своём коллайдере, потеряв ход времени и неизбежно теряя массу. Высвобожденная энергия шла на работу мозга, и тот едва справлялся. За окном шёл дождь. Капли ударялись о жестяной слив, через мгновение звуки стихали, а ещё через миг всё повторялось сначала. Часы показывали 2:24. Пора было ложиться, но спать не хотелось. В голове вертелись сумбурные мысли о преемственности литературы и обыденности. Он согрел себе молока и под утро таки уснул, укутавшись в плед, поставив в медиаплеере японские мультики и выключив звук.

IV

На следующий день Митя получил электронные письма от «Медве» и «Хьюлет». Виктория Клеман и Катя Мануилова хорошо знали Джони и помнили его ещё с 2003-го.

Прошло уже тринадцать лет. Как интересно, неожиданно подумал Митя. За тринадцать лет он не знал ни одного убитого подлеца. Новые коммунисты, казалось, чудом избегали нападения, но никакого чуда здесь не было. Если разобраться, они в точности унаследовали от своих предков пролетарскую смекалку. Этим всё и объяснялось. Складывалось впечатление, что они не подвержены смерти. Их герои цвели и пахли. Митя то и дело слышал их имена и всякий раз вздрагивал.

Более того, новые коммунисты растили себе и столь же хитрую смену. По данным социологических исследований, половина молодых людей в стране мечтала о карьере государственного чиновника. Другая их часть связывала свою судьбу с правоохранительной деятельностью, включая суды, адвокатуру, налоговые службы, полицию и охранные предприятия. Никто из них не хотел работать в сфере производства, да и вообще не хотел работать. В целом же они с уверенностью смотрели в будущее, а зря. «Нельзя же без конца притворяться добродетелью», – не сомневался Митя Захаров, приёмщик брака.

«Да, так и было. Он называл меня Медве», – писала Виктория Клеман, оператор колл-центра «Прекрасного мира компьютеров». В своём свитере из ангоры она напоминала панду. Довольно милый медведь – забавный и простодушный. На протяжении почти года Джони замещал этой пандой свою расчудесную Vi. Дошло ли у них до секса? Вряд ли. Несмотря на обилие откровенных сцен в первой книге, между ними были лишь приятельские отношения. «У нас была вполне платоническая связь», – призналась Медве.

Они переписывались, иногда вместе обедали и пару раз в неделю тынялись¹ у «Бабушкинской». Зима тогда выдалась морозной, и наши друзья то и дело бегали погреться в кафе «Ориона», пиццерию у Северного рынка или пусть бы даже в «Избушку» – эту «Альмайер», приют для сумасшедших по Алессандро Барикко («Море-океан»). Таким образом, от Медве Джони получил то, что могла бы дать ему Вика Россохина, но не дала: ощущение взаимной любви. Связь между ними прервалась сразу же после её замужества. Они расстались летом 2005-го. В тот раз Джони купил Медве автоматический зонт Sun&Rain и вибратор Purple Ego, а днём позже прислал ей цветы и стихотворение.

Ты сегодня была красивой,
Я перестал говорить, молился.

---

¹ От украинского «тинятися» (ходить без цели, слоняться, околачиваться). Так говорят в Харькове и приграничных с Украиной российских областях. (Прим. авт.)

Подарю тебе завтра картину
С небом и какой-то птицей.

Ясно, что никакой картины не было. Так Джони и расстался с Викторией Клеман. Наверяд ли они теперь свидятся. «Мы так и не решились на безудержный секс, а жаль», – добавил он в конце.

Безудержный секс интересовал и Хьюлет, но в отличие от Медве она была лесбиянкой. Да кого только не интересовал этот секс! Однако почти всегда найдётся какая-нибудь преграда. В своём роде солдат. Такой станет, к примеру, между Джони и Викой Россохиной и стоит. Митя не понаслышке знал о нём и поэтому не строил иллюзий. Солдат в действительности трусоват, но стоит ему уловить у вас малейшее сомнение – застрелит и пойдёт дальше.

Вот сцена, где Вика предлагает Джони секс в обмен на свободу. «Может быть, это успокоит вас», – говорит она, но уже в следующий момент колеблется. Митя наткнулся на этот отрывок в середине первой книжки, где напряжённость между Джони и Vi достигает кульминации. Поняв, что поторопилась и что предложенная ею цена слишком велика, Вика ссылается на головную боль, менструацию или даже опасность венерической болезни. «Дурак, это же шутка!» – кричит она и возвращается к себе за прилавок.

Хороша шутка, ничего не скажешь.

«Спустя минуту, – прочёл Митя дальше, – двери офиса

с шумом распахнулись и в комнату вошли солдаты Господа Бога». Они потребовали от персонала лечь на пол, и Вика немедленно подчинилась. Впрочем, Vi и не скрывала радости – солдаты прибыли как раз вовремя, а Джони только отвернулся и продолжил работу. И тут один из нападавших спросил у него, почему тот не выполнил приказ. Вика с любопытством смотрела на мужчин. «Солдат и упрямец», – думала она. В целом же картина прояснилась, и она лишь поглядывала на часы.

– Мне и так хорошо, – ответил Джони.

Митя прекрасно запомнил этот фрагмент. Он так и видел героический Джонин профиль и его чуть глуповатую улыбку. Дальше следовало замешательство, попытка борьбы и, собственно, финал.

– К тому же вы мне отвратительны, – Джони отложил фотоаппарат и выключил свет. – Застегните ваши крючки и убирайтесь вон. Заберите с собой ваших товарищей, взрывное устройство и, если хотите, эту продавщицу.

Солдат повернулся к Vi.

Тут-то она и поняла, что Джони нет никакого дела до секса с нею. Он слишком любил её, и ему было достаточно одного её присутствия. «Я опустошён ею, – напишет он позднее, – это ужасно. Так не бывает. Сначала прилетают облака, а после вы не понимаете, что здесь не так». Да всё не так, – думал Митя, – начиная от белоснежного фона в твоём углу и кончая военным присутствием здесь. Условие же для без-

удержного секса, да и секса вообще, на удивление просто: обоюдная решимость покончить с этим солдатом.

Что касается Хьюлет, она тоже намучилась.

У неё часто возникали мимолётные связи, но так, чтобы уж совсем не было никакого дела до секса, – ещё не случилось. Именно поэтому главным для неё до сих пор оставалась физиология. «А жаль, – призналась она в своём электронном письме Мите Захарову. – Посудите сами, – продолжала Катя Мануилова, – у Джони просто в глазах стояло, что он влюблён. Влюблён по уши, фанатично и надолго, что, надо сказать, впечатляло. Глядя на него, вы и сами словно заражались этой болезнью. Очень хотелось повторить его опыт, но это непросто».

В «Прекрасном мире» она давала рекламу принтеров HP, так что Джони с первого дня называл её «Хьюлет», а та и не возражала. «К тому же он не был гомофобом и не искал врагов, – призналась Хью. – Ну если вы понимаете, о чём я».

Митя понимал – не то слово. Врагов здесь отыскивали только так. Страна, в которой проживало сто миллионов новых коммунистов, вновь строила светлое будущее. Это была, так сказать, вторая попытка, и никто не хотел ошибиться снова. Приличных людей тут не любили, их сразу же выявляли и делали всё, чтобы те поскорей покинули родину, офис, дом или пусть бы даже песочницу, если дело касалось ребёнка из нормальной семьи. Смотрите, что получается: воспитанному человеку в России не доставало не только любви, но

и обыкновенной защищённости. Так что не зря Джони подарил Медве зонт и вибратор.

Были ли это предметы потерянного счастья?

Безусловно, были. Как и прутья плетёной гондолы и пуговицы от блузки Иры Свириденко, провизора и директора частной аптеки в Харькове. В своём роде неучтённый до сих пор брак. Брак этот валялся где ни попадя, тынялся, как неприкаянный, у магазина «Клондайк», пылился на полках и раздирал душу.

Надо было его учесть, что Митя и сделал.

Для начала он составил список артефактов, ввёл их в базу данных и упорядочил по принадлежности. Для удобства управления списком Митя интегрировал его в Microsoft Office Access, дал краткую характеристику предметам и резервировал дополнительные поля на случай развития.

Письмо от Кати Мануиловой забавляло и наводило на определённые мысли, так что приёмщик брака даже ощутил прилив сил и вдохновился. «Джони возился в своей студии с утра до ночи, – писала она, – но когда ни придёшь к нему, он всё бросал, варил кофе и ставил в ноутбуке то Thrice, то Over It, то ещё что, не знаю. Много чего ставил».

Митя и сам долгое время приходил к Джони обедать, и прекрасно знал этот репертуар. Джонины тексты рябили различными ссылками на поп-панков. Он приводил названия групп, альбомов, композиций, а подчас и построчные переводы. В основном американские коллективы, музыканты из

Канады и изредка из Британии.

Примерно до 2006-го это были в сущности легенды и хорошо известные всем исполнители, отчасти легкомысленные, довольно жизнерадостные и романтические: Blur, Sum 41, Green Day, Jimmy Eat World, Blink-182, Brand New, Junction 18, Dashboard Confessional, Anti-Flag, Billy Talent, Saosin, Circa Survive, Acceptance, Saves The Day, The Kooks, Taking Back Sunday, At The Drive-In, Bayside.

Дальше Митя терялся. Всё чаще попадались незнакомые имена. Казалось, его герой постепенно отдалялся от радости, всё больше закрываясь ироничной, затем печально-надрывной, а под конец и вовсе мрачной музыкой: Thursday, Envy, The Used, Alesana, Emery, Chiodos, Senses Fail, Issue Sixteen, Funeral Diner, From First To Last, Secondsmile, Her Words Kill, The Fall Of Troy, As Cities Burn, Enter Shikari, Scary Kids Scaring Kids, Funeral For a Friend, Sed Non Satiata, Alexisonfire, Comeback Kid, Emarosa, Intohimo, La Dispute, Underoath, Silverstein, Mewithoutyou, The Mars Volta, From Autumn To Ashes, Scapegoat, The Wonder Years, Sainthood Reps.

В целом, всё ясно. Джони нравился более-менее гармоничный панк и в особенности пост-хардкор конца нулевых. Он заслушивался The Used, Enter Shikari и Thursday, а такие вещи Thursday, как In Silence, An Absurd And Unrealistic Dream Of Peace или Times Arrow, завораживали его.

Теперь же, вспоминая их редкие встречи, Митя переживал острейшую ностальгию. Как вообще такое могло случиться? Он вновь подумал о прутьях и пуговицах и тотчас зашёл на каждый артефакт ещё и сопроводительный документ. С «Формой № 1» ему было спокойней. Имея исходные данные в привычном виде, Митя чувствовал себя в большей степени профессионалом и более уверенно мог бы продвигаться дальше.

«Если хотите узнать что-то ещё, напишите», – попросилась Катя Мануилова, и Митя написал. Письмо вышло сбивчивым и пестрило вопросами. Он выяснил, что вплоть до четырнадцатого года Джони и Хьюлет неплохо ладили, но виделись редко. В июле она ненадолго уехала в Туркмению, а вернувшись, так и не смогла его найти. Джони не отвечал ни на SMS, ни на звонки. У него не работала почта, и никто ничего о нём не знал. Помимо прочего Митя привёл ей список имён из Джониных книжек. Катя хорошо знала Медве, немного Вику Россохину – он безумно любил её, я уже вам говорила, – слышала о Тайке Нефёдовой и догадывалась, кто такая Наташа Рёнэ. Нет, Алису и Эмили она не знает, а насчёт Лизы – это отдельно. Впрочем, некоторые имена ей показались знакомыми и, вероятно, со временем она могла бы кого-нибудь вспомнить. «Позвоните мне», – предложила Хьюлет и дала номер.

К вечеру поднялся ветер, чуть подморозило, а там и снег пошёл. Митя позвонил. Знает ли Катя, что творится на ули-

це? – спросил он. Да, там метёт. Они непроизвольно улыбнулись – ведь на исходе март – и договорились о встрече.

V

В сущности, он не отдавал себе отчёта и не мог точно сформулировать, что движет им. Катя Мануилова нравилась ему. Она привлекала своей непосредственностью, а общение с нею словно очищало его от пыли. Той самой пыли на неучтённых артефактах, да так, что Митя уже и не сомневался в успехе своего замысла.

Они встретились в среду, затем в пятницу, а в субботу прошли по клубам и остановились в бывшей «Нейтральной территории». Некогда кафе входило в так называемую сеть «О. Г. И.» – Объединённого гуманитарного издательства. Ну и место! – который раз уже удивлялся Митя Захаров. Кафе располагалось вблизи от приёмной президента РФ, в окружении ВЦИК, управлений ФСБ и сотни полицейских. С годами численность полицейских многократно выросла, так что нейтральной эта территория была лишь условно.

Как и писал Джони, Хьюлет и вправду выглядела измождённой лесбиянкой. У неё были короткие тёмные волосы с прямой чёлкой, стянутые в пучок. На вид не больше тридцати, худая и с мальчишеской фигурой, в голубых джинсах, кедах, светлой куртке и с пирсингом в языке. «Поначалу мне казалось, он хочет секса со мной, – сказала Катя лишь только они вошли во двор со стороны Ильинки. – Пришлось при-

знать, что я не могу. Впрочем, я ошибалась. Джони вполне хватало вымысла. Да вы и сами, наверно, читали эти его эротические сцены», – Хьюлет держалась спокойно и говорила без смущения. Сразу же было видно, что Митя расположил её, так что бояться нечего.

Особенно Джони любил сочинять небольшие оргии из трёх-пяти человек. Этот виртуальный секс был словно жизненной необходимостью для него. Он не стеснялся описаний, к тому же вечно искал там метафору, а найдя, по несколько раз использовал её в будущем, то и дело умышленно повторяясь. Почти всегда в этих сценах присутствовала Vi, раз-другой Медве, время от времени Хьюлет, ещё с десяток персонажей, ну и конечно, Митя Захаров. Странное ощущение, подумал он, будто видишь себя в порнографическом фильме. Сначала не веришь – как такое могло случиться? – а после прочтёшь своё имя в титрах, и уже становится как-то полегче.

Субботним утром в «Нейтральной территории» немногочисленно. Некоторое время Джони приходил сюда почитать, здесь же он записал сюжет с радужной сферой и сделал немало фотографий. С тех пор от «О. Г. И.» мало что осталось. В начале двухтысячных сеть включала пару клубов с дешёвой едой, выпивкой и книжным магазином. Митя хорошо помнил, к примеру, подвал в Потаповском переулке. В ежедневную программу входили детский утренник, малоизвест-

ный, но талантливый музыкант да лекция о современном искусстве. Затем сеть стремительно развивалась. Вероятно, менялись менеджеры. Они кидались из крайности в крайность, экспериментируя то с галантереей (одежда и поделки), то с пирожковыми закусочными.

Откуда деньги – никто не знал, но вскоре они закончились, и альтернативные клубы, так полюбившиеся взрослым и детям, попали под влияние государства. В начале четырнадцатого года, сразу же после зимних Олимпийских игр, сеть примкнула к «Народному фронту» и была преобразована в сообщество тренажёрных залов. Они принимали активное участие в политической жизни и вели существенную правоохранительную деятельность. В таком виде «О. Г. И.» просуществовали около полутора лет, но вскоре интерес к ним ослаб, а там и вовсе пропал, уступив место космической отрасли. В декабре 2015-го тренажёрные залы окончательно разорились и были проданы французской компании «Шантимэль» (французские кондитерские). В результате выгодной сделки «Шантимэль» получила двенадцать прекрасных помещений в центре Москвы с правом использования предыдущих брендов.

Повезло же этой «Шантимэли», думал Митя.

Если верить её сайту, ассортимент кондитерских включал «более 150 наименований лёгких воздушных тортов, нежнейших пирожных, великолепной выпечки и восточных сладостей». Теперешняя вывеска «Нейтральной территории»

гласила «НТ-Шантимэль». Таким образом, от книжного бизнеса здесь не осталось и следа. Объединённое гуманитарное издательство успешно покинуло интеллектуальную сцену в результате неправильного менеджмента и соглашательства с действующей властью.

Тем временем Мануилова и Захаров поёживались у входа, любуясь весенним солнцем и прислушиваясь к капели. Наслушавшись, они поднялись на второй этаж и присели у окна.

За окном снова сгустились тучи. От солнца не осталось и следа. В сущности, март в России – ещё зима. Впрочем, как и апрель. Но и на этом зима не закончится. Тут что «Снежком» – всесезонный горнолыжный спуск. Митя читал об этом спуске в Интернете. Комплекс расположился у Красногорска, неподалёку от Москвы, и Митя хорошо знал о нём. Знал из курса истории, «Философии свободы» Николая Бердяева, да и по себе знал: все мы тут как снежный ком. Русский человек всю жизнь то и дело спускался на своих санках не бог весть куда, а затем поднимался вновь – мучительно и долго. Иными словами, местные лелеяли этот спуск и эти санки, а поднимались лишь для того, чтобы спуститься снова: на всей скорости, сопротивляясь ледяному ветру и искрящейся пыли.

– Расскажите о себе, – попросил Митя.

Он взял себе половинку воздушного торта и апельсиновый сок, а Мануилова – пирожное с вишнёвой глазурью, ром-

колу со льдом и чашку капучино. Она сняла куртку и сложила её на свободный стул у лестницы. Перила поблёскивали свежим лаком, зато ещё со времён «О. Г. И.» здесь остались белоснежные стены, огромный кондиционер под потолком и стеллажи с книгами вдоль стен. Книжки были всё те же и в основном стояли в том же порядке. Стоят, как и стояли, подумал Митя и с ходу узнал там «Мысли» Паскаля, библиотеку античных философов, «Дневник оболъстителя» Кьеркегора, Платона в мягком переплёте и «Занавес» Милана Кундеры. Ровно над Кундерой, как и прежде, расположились Курт Воннегут издательства «АСТ» и с десятков томов Ромена Гари.

– Да что рассказывать, – Катя отпила ром-колы и достала сигареты. «Kiss super slims fresh apple, – прочёл Митя. – Курение убивает». Так всё убивает, разве нет? Убийство в его представлении как раз и было естественным и самым отлаженным механизмом во вселенной.

В 2002-м Катя приехала из Ашхабада (Туркмения) в Москву, поступила в Институт дизайна, устроилась в «Прекрасный мир компьютеров» и проработала там, пока не получила диплом и её не уволили. Сотрудников с высшим образованием здесь не держали, их считали за геморрой и при первой возможности избавлялись от них.

Хью догадалась, что она лесбиянка, ещё в школе. Теперь же, переспав с парой складских рабочих, Хьюлет убедилась окончательно: нет, это и в самом деле не для неё. То, что для

неё, она искала в Интернете. На множестве интернет-сайтов девочки примерно её возраста и положения предлагали не только секс, но и любовь.

– Так что если поискать – найдёшь, – рассмеялась Хьюлет.

– Нашли? – улыбнулся Митя.

– Нашла.

– А что у нас там с Лизой? – спросил он после недолгих раздумий. В целом у Кати Мануиловой была заурядная судьба, не слишком-то отличавшаяся от жизни её соотечественников. Так же, как и они, Хьюлет перебивалась в окрестностях всепогодного горнолыжного комплекса, круглый год скатывалась с горы, а затем поднималась на неё снова. Папа? Нет, с папой они давно расстались, и Хьюлет едва знала его. Её детство пришлось на постсоветскую неразбериху, после уроков она рисовала в школе изобразительных искусств, а вечерами слушала Blur и мамины нотации. «Сказки дядюшки Римуса, одним словом», – заключила Хью.

Захаров же хотел другого. Он не отрицал чудесного облика Хью, но ему требовались СВЯЗИ. В сущности, он строил математический граф и хотел разобраться, как он функционирует. От этого зависел успех дела, а Лиза упоминалась у Джони едва ли не чаще Вики Россохиной.

– Джони взял этот образ от Лизы Берковиц, – ответила Хью, взглянув на Митю, но вдруг как-то вся осунулась, опустила лицо и уткнулась в свой капучино. – У нас с нею была самая прекрасная связь, – добавила она.

ЛИЗА БЕРКОВИЦ – САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ СВЯЗЬ

Хьюлет считала эту связь не только прекрасной, но и в значительной мере определившей её будущее.

Джони повстречал Лизу в кафе «Ориона», как раз закончив писать сюжет о троллейбусе, который никуда не едет. Дуги этого троллейбуса были опущены, он стоял у Политехнического музея, словно экспонат, а из окна на Джони смотрела Vi и как бы вопрошала, окидывая взглядом комиссионный магазин: «И когда этот покупатель уже уйдёт?» Покупатель же не уходил. Он никуда не спешил и подолгу рассматривал то то, то сё. «То то, то сё, – играл словами Викин покупатель. – Товар уценён до представлений Господа Бога».

Лиза спросила, что он тут пишет. То то, то сё, – ответил Джони и всё смотрел, какое умное у неё лицо. Они выпили по коктейлю да так и просидели до закрытия, раздвинув синие жалюзи и глядя в окно на Изумрудную улицу. Лиза говорила с довольно сильным акцентом, но в отличие от большинства молодых придурков – по существу. В Россию она приехала из любопытства, она археолог. Для американцев любая страна – раскопки.

Несомненно, между ними возникло взаимопонимание, а спустя день, переходя улицу у аптеки «Ригла», Джони наткнулся на неё вновь и теперь уже знал, что не случайно.

Прислонясь к столбу, Лиза пинала пустую банку и та постепенно наполнялась из лужи. Моросил дождь. «Как твоя фамилия?» – едва слышно спросил он Лизу, чуть прикоснувшись к ней и поглядев в сторону троллейбусной остановки. Как и в случае с Викой, там стоял троллейбус, который никуда не ехал.

– Берковиц, – ответила Лиза, оставив банку.

Теперь он и сам вспомнил. Её дедушка был серийным убийцей в Нью-Йорке. Он работал, не покладая рук, и к моменту заключения добился славы.

– Почему ты спросил?

– Не знаю.

Он и вправду не знал. Словно её дедушка, он убивал одно за другим представления о жизни и теперь искал, кого бы ещё убить. В сущности, он листал альбом современного искусства, не находя подходящей страницы, чтобы остановиться. Новых представлений там не осталось, а из окон лектория в Политехническом проезде на него поглядывал призрак Реввоенсовета. Не то чтобы этот призрак был смертельно опасен, но, как и в пору Советской власти, лучше бы с ним не встречаться. Призрак по-прежнему воевал со всем миром и думал, что побеждал.

Лиза вновь пнула банку. Та стукнулась о водосточную трубу и замерла. Как заведённый, над ними переключался светофор. Интервал, отведённый для пешехода, был примерно втрое короче интервала для машин, и Джони вдруг припом-

нил «The Communist Light Show» Scapegoat (Let Our Violins Be Heard, 2005).

Мысленно он то и дело возвращался к Vi. Вика Россохина не давала покоя. Её страница в альбоме современного искусства оставалась чистой. Представление о жизни в Викином понимании зависело прежде всего от характера выставки и бюджета. Именно поэтому никто и не собирался включать её работы в реестр. Другими словами, Дэвид Берковиц (читай Джони) гонялся за нею по всему Нью-Йорку, и напрасно: всякий раз Вика убегала от него.

Лиза не знала своего дедушку, но много о нём читала. Хьюлет всё спрашивала, что ещё за Берковиц, а примерно через месяц он познакомил их.

Тут-то и началась самая прекрасная связь.

Джонин вирус будто передался им обеим, и они были на вершине блаженства. Хьюлет наконец-то влюбилась, а Лиза не верила своему счастью. Она сдала билеты до Нью-Йорка, забросила курсы археологии и то и дело продлевала визу. Насчёт археологии – обнаружив Хью в этой заснеженной пустыне, Лиза считала своё открытие в сто раз лучше любых раскопок. Её профессиональное увлечение, таким образом, дало Берковиц необыкновенный результат и в личном плане. «Everything in the garden is rosy (всё как нельзя лучше, сад полон роз)», – говорила она.

Чего не скажешь о Джони: он понимал, что никаких роз

в его саду нет. Иначе говоря, он упустил Лизу. Упустил внезапно, неожиданно для себя и навсегда. От безумия удерживали лишь дружеские отношения с Хьюлет, ну и, конечно же, его чудесная Vi. Забыть её было немыслимо, да и троллейбус с Викой Россохиной всё ещё стоял. Как стоял, так и стоит себе в Политехническом проезде, утешался он. У каждого свои раскопки – в этом всё дело.

Внутренний же его голос не сдавался. «Викин троллейбус сломался!» – кричал он спозаранку и до ночи, но Джони не верил. Пусть и сломался – он был намерен починить его. Что касается Лизы, Джони не сомневался, что она счастлива, а Хьюлет и подавно. Да и мог ли он вообще нарушить идиллию? Чужое счастье – что предмет искусства. Созданный произвольно и неумышленно – он лишь добавляет себе цену. Цена со временем растёт. Именно поэтому счастье и не купишь.

Спустя некоторое время они дождались снегопадов, сняли номер в «Сретенской» гостинице и пригласили к себе Джони. Так в первый раз друзья провели вместе Рождественскую ночь. Для Джони это были незабываемые каникулы. Работа в «Прекрасном мире» всё больше изматывала его, и он хватался за каждую возможность сбежать оттуда.

Дальше они неизменно повторяли этот опыт в течение трёх лет. Что бы ни случилось, 24 декабря Хьюлет, Лиза и Джони запирались в одноместном номере под крышей, чита-

ли Бродского, слушали «Oh Holy Night» Brand New и занимались любовью. Под утро Джони уходил – тихо и незаметно, стараясь не беспокоить подруг, а спустившись в метро, молился за них – ангелы, что ещё скажешь.

– Это и вправду было прекрасной связью, – вспоминала Катя Мануилова.

Связь Хьюлет и Лизы казалась прочной, вполне устойчивой и помехозащищенной. Спустя четыре года наши лесбиянки хорошо узнали друг друга, строили общие планы и не сомневались, что достигнут их. Нет, не здесь. Россия не пойдёт. Здешние мракобесы не позволят им ни брак, ни детей. Жить же в подполье они не собирались. Родители Берковиц купили им дом в Портленде, штат Мэн. Хьюлет подала документы на гражданство, а Лиза, как они и хотели, забеременела от Джони. Это произошло в ночь на 25 декабря 2009 года в номере с видом на Сретенку и далёкие звёзды в бескрайнем космосе.

Летом 2010-го Лиза уехала в Нью-Йорк, а 24 июля у неё случились преждевременные роды. Всё вроде бы обошлось. Родилась девочка. Хьюлет звонила из автомата в переговорном пункте и не могла нарадоваться. Они назвали её Луизой, и всё бы хорошо, но Луиза не прожила и недели. «Мне жаль, – сказал доктор и развёл руками. – I'm sorry, she was way too weak (мне жаль, она была слишком слаба)». Луизу Берковиц-Мануилову кремировали в Пресвитерианском госпитале Нью-Йорка 30 июля 2010 года. На этом всё и за-

кончилось.

Лиза больше не приезжала в Россию. Она прислала Хьюлет и Джони прощальное письмо и образцы ДНК в двух стеклянных пробирках. «Святая ночь, – писала она. – Как же прекрасна утраченная любовь».

– И где пробирки? – спросил Митя.

– Одна у меня, другая у Джони. – Хьюлет огляделась.

В кафе по-прежнему было пусто. В воздухе стоял запах выпечки и ванили. Едва слышно работал кондиционер, за окном раздавались редкие шаги, а с книжной полки, словно сто немых, на них уставились разноцветные переплёты. Катя Мануилова, лаборант Института археологии РАН и самая прекрасная связь в Митиной жизни. Она потянулась за сумкой, вынула из кошелька миниатюрный пузырёк, поднесла его к лицу и закрыла глаза, едва сдерживая слёзы, а там и вовсе разрыдалась – горько и безутешно.

VI

Вот и ещё один неучтённый брак. Брак – что убийство, размышлял Митя. В любом случае мы имеем дело со смертью – умышленной или нет. Надо сказать, история Кати Мануиловой взволновала его. Но отчего не справился доктор Пресвитерианского госпиталя? Не хватило умения, не захотел или ошибся? Да и в ответе ли он вообще за промысел божий?

Постепенно Митя восстанавливал картину, а был ли это детектив – он и не знал. Скорее нет. Захаров хоть и видел сплошь убийства, но до сих пор не попадались ни мотивы, ни доказательства, да и убийца не попадался. Тут он припомнил магазин Motivi, или что там – Митя уже и терялся – на проспекте Мира. Припомнил и улыбнулся про себя: неужели и правда можно купить пусть бы даже и заурядный мотив для какой-нибудь цели? Это вряд ли. Ведь не купишь же чувство голода, чтобы поесть, или любовь, чтобы стать счастливым. Таким образом, если исключить Аллаха за рулём Викиного троллейбуса (а исключить придётся), останутся лишь СЛУЧАЙНОСТЬ и РАЗНООБРАЗИЕ.

Вот что пишет об этом Джони. Запись датирована 28 июля, как раз между рождением Луизы и её смертью: «И голова, и Земной шар, и яйца Господа нашего Иисуса Христа имеют овальную форму, что могло бы многое объ-

яснить, но не объясняет. Под определённым углом и измождённая голова, и Земной шар, полный ископаемых, и распределённые красные яйца выглядят не овальными, а круглыми».

Ну что тут скажешь. Джони вполне приспособился к квантовому восприятию мира. Он перестал бояться трудностей и почти не сопротивлялся им, ссылаясь на кота Шрёдингера. Кот этот, как мы знаем, подобно электрону в квантовом ящике – и жив, и мёртв одновременно. Узнав о смерти Луизы, к примеру, Джони будто и не удивился.

Всё происходит, как в пруду, – записал он. —
Мы просто медленно плывём.
А после вдруг перестаём
И отправляемся ко дну.

Выйдя из «Шантимэли», они взяли такси и ещё час или два ездили по городу – безо всякой цели и подчиняясь случайному мерцанию светофоров. То, что мерцание случайно, отчётливо было видно по пешеходам: подойдя к перекрёстку, они не знали как быть. «Переходить дорогу или не переходить?» – эти мысли роились у них в головах и мешали спокойной жизни. В результате они переходили её как придётся и зачастую погибали, не дойдя и до середины.

– Почему Луиза? – спросил Митя.

– Джони попросил. – Хью покрутила ручку и закрыла окно. Воздух к ночи остыл и теперь свистел, что было мочи, влетая через переднюю дверь и вылетая через заднюю. – Ему

нравилось это имя. Он звал так Вику Россохину, – Хьюлет запнулась и поглядела на мост впереди. – Vi и вправду была похожа на Луизу, – добавила она, выдержав драматическую паузу.

Они въезжали на Большой Устьинский мост.

Справа и слева лучилась рекламой Москва-река. По правде сказать, Митя догадывался о Луизе и без Хьюлет. Джони то и дело использовал это имя в связи с Викой, но какие тут были мотивы – непонятно. Вероятно, овал, о котором он писал, и в самом деле представлялся ему кругом.

Такси переехало мост. «Волга» с надписью «Командир» наводила на мысли о войне. Она тряслась всем своим ржавым корпусом, подпрыгивала на ухабах и воняла бензином. Иными словами, война продолжалась. Хьюлет едва держалась, подумывая о плене. «Лучше сдаться, – рассуждала она, – чем такая война», – и сдалась.

– У кафе, пожалуйста, – сказала Хью.

Машина свернула на светофоре и, подождав с минуту, въехала на стоянку Coffee Point. «Coffee Point, – гласила вывеска, – европейская кухня на любой вкус». С утра и до ночи, пока не надоест и вам, и нам, добавил Митя и вернулся к Джониным овалам. Ясно, что образ, придуманный Джони, носил глубокий метафизический отпечаток, но какой – Митя не знал, да и вряд ли теперь узнает. Так что вместе со стеклянной пробиркой в Митину базу данных можно было заносить и само имя: «ЛУИЗА – загадочная и не вполне осо-

знанная репликация».

А что тут удивляться? Люди сплошь и рядом придумывают себе образ и влюбляются в него. Всё ж лучше, чем жить гадкой реальностью.

– Здесь Джони часто бывал, – прервала его размышления Хьюлет. – Придёт и пишет себе. Он вообще много работал – и в «Прекрасном мире», и в кафе по выходным.

Кафе располагалось между Водоотводным каналом и Москвой-рекой. Довольно тихое место.

– Там его все знали.

– Хотите, зайдём? – предложил Митя.

Но у них ничего не вышло. Кафе закрылось. «Ремонт» и «Осторожно, сосульки» – было написано на двери, а в окнах виднелись стропила и кадучки с краской. У стойки валялась табличка «Добро пожаловать в Coffee Point». Спасибо, что помните о нас, просиял Митя и поднял с тротуара камень на память. Коллекция артефактов росла на глазах. А тут и светофор замелькал, как будто сломался.

– Вот и светофор сломался, – сказал он.

Катя Мануилова надела шапочку. Заморосил дождь. С десятков птиц поднялись от реки и, захлопав крыльями, одна за другой пошли к Павелецкому вокзалу.

– К вокзалу пошли, – отозвалась Хью. Она задрала голову и с минуту провожала птиц, улыбаясь и как будто разговаривая сама с собой. В её воображении это были русские цесарки – в своём роде гибрид канадского самосознания и

российской действительности.

Утки торопились на поезд. Билеты они купили заранее и теперь лишь хотели не опоздать к отправлению. Они по одной зайдут в вагон, устроятся в своём купе и возьмут себе железнодорожного чаю с печеньем. Путь не близкий. В дороге всякое может случиться, но Мануилова гнала прочь дурные мысли. Да ничего с ними не случится, думала она. Поедят, лягут спать, а наутро, миновав границу, высунутся в окно и вздохнут с облегчением. «Как же хорошо, – засмеются цесарки, – оказаться наконец на свободе».

Видно, у этой Хьюлет не все дома, размышлял Митя Захаров, приёмщик брака. Между тем цесарки миновали Озерковский переулочок и приближались к Шлюзовой набережной. Покружив над вокзалом, они опустились к поезду и теперь ожидали отправления.

В отличие от традиционного электората Владимира Путина, этого «лидера нации», гибридные утки давно отказались и от марксизма, и от ленинского учения о гегемонии простолюдинов. Ставка на рабочих и крестьян в начале прошлого века казалась цесаркам крайне ошибочной и по существу являлась дешёвым маркетингом в интересах лидеров большевистской партии. Кампания принесла им краткосрочные дивиденды, но в перспективе лишила будущего миллионы граждан.

Спустя сто лет страна существовала благодаря лишь природным ископаемым, хотя, надо заметить, и чтит своих ге-

роев. «Помним и чтим» – то и дело мелькали надписи на заборе. Нацепив советские медали, современная Россия делала вид, что всё в порядке и что она самая лучшая Россия в мире. Ископаемые, однако, подходили к концу, а здесь и конь не валялся. В чём причина? Да всё в тех же медалях, не строил иллюзий Митя. Лучшие люди страны были расстреляны ещё в годы Красного террора, а эволюция оставшихся шла крайне медленно.

Нет, в самом деле, Хью словно заворожила его. Он не хотел с нею расставаться и вообще остался бы с нею жить. Иначе говоря, Катя Мануилова ранила ему сердце. Ну и что, что она лесбиянка, думал он. Митя давно уже обходился воображаемым сексом и больше всего искал не физической, а духовной близости.

– Митя, я еду домой, – сказала она.

– Домой так домой. Ещё такси?

– Нет, спасибо.

Дождь к тому времени перестал. Они миновали граффити «Зачем?» во всю стену и «На хуя так жить?» под мостом у клуба Fabrique. Митя проводил её до метро. У «Макдоналдса» сновали молодые таджики, стоял запах туалета и едва слышно доносились звуки трамвая.

«Вот и ещё один сюжет в Джонин альбом», – мелькнула мысль. Альбом современного искусства, где все они имели свою роль. Роль несущественную. По сути, роль второго плана. Эпизодическую роль изгоев: Медве (Виктория Клеман),

Хьюлет (Катя Мануилова), Лиза (Лиза Берковиц, внучка серийного убийцы из Нью-Йорка) и Джони (Джон Константин, этот повелитель тьмы).

Был ли в альбоме он сам? Это вряд ли. Впрочем, как не было там и Вики Россохиной с Ирой Свириденко. Они хоть и не просили их любить, но на хуя так жить – не спрашивали.

Расставшись с Хьюлет, Митя долго стоял под дождём, смотрел за светофором и слушал, как тот переключался – размеренно и словно отсчитывая остаток жизни. Примерно в половине десятого он зашёл в «Грабли», взял себе жареной форели, салат из свежих овощей и виски со льдом. Светофор по-прежнему переключался, а Митя всё никак не мог оправиться от ощущения безвозвратной потери.

Из головы не выходила Луиза.

ЛУИЗА

В своих книжках Джони собрал целую коллекцию всевозможных Луиз. Начиная от Луизы – королевы Пруссии (Луиза Августа Вильгельмина Амалия, 1776–1810) и заканчивая «Закатом Луизианы» Люциуса Шепарда, этим мистическим и довольно глупым романом американского писателя. Здесь были также отель «Луиза» в Калининграде, Луиза Сомерсета Моэма (из рассказа «Луиза»), Мадонна Луиза Вероника Чикконе, «Луиза Миллер» – пьеса Фридриха фон Шиллера

(1784, впоследствии «Коварство и любовь»), Луиза Андриевская – продавец магазина «Клондайк», ну и, конечно, Луиза Коле – возлюбленная Флобера.

Джони давал им подробную характеристику, при описании ссылался на различные документы и кое-что добавлял от себя, вписывая образ в тот или иной сюжет. Вот, к примеру, как он использовал Коле и Флобера, пережив очередную ссору с Викой Россохиной. «Гюстав подждал её на платформе, поезд давно подали, но Луизы как не было, так и нет. Да и существовала ли она вообще? – думал он, глядя на проводниц в чёрных пальто и со значками “Французских железных дорог”. Поднявшись на ступеньки вагонов, проводницы улыбались остающимся на перроне людям, а лишь поезд тронулся, замахали флажками и принялись закрывать двери – одну за другой, пока не закрыли все».

Луиза Коле так и не пришла. В конце зарисовки Джони провожает поезд взглядом сожаления, но не совсем – он также и рад, что продлит интервал счастливой надежды, а на прощанье цитирует Джулиана Барнса: «Луиза, разумеется, могла бы устроить сцену и на платформе. Её привычки набрасываться на Гюстава, были хорошо всем известны. Она всегда искала соперницу, но таковой не было, если не считать Эмму Бовари (Дж. Барнс, «Попугай Флобера»)».

Как выяснил Митя, Луиза Коле в отличие от Вики Россохиной была довольно известным персонажем. Она переводила Шекспира, получила академическую премию за свои сти-

хи, Виктор Гюго называл её сестрой, а Беранже – музой. Она никак не могла понять, как может Гюстав любить её, не испытывая желаний видеться с ней. Занимаясь реконструкцией в «Попугае Флобера», Джулиан Барнс и вовсе пришёл к выводу, что его герои имели эстетическую несовместимость. Тем не менее Гюстав и Луиза пробыли вместе около восьми лет.

К слову сказать, Джони не отдавал видимых предпочтений ни одной из своих Луиз. Экспонаты этой коллекции то и дело возникали по ходу повествования и в целом придавали истории неповторимый романтический оттенок.

Разве что – Луиза Андриевская. Джони так и не смог развить этот образ, хотя нет-нет, а и вспоминал о нём. Дело в том, что он знал Андриевскую лично. Он видел её и разговаривал с нею по меньшей мере дважды: в магазине «Клондайк», когда они познакомились, и шесть лет спустя, когда он повстречал её на автобусной остановке в Медведково. Иными словами, Луиза Андриевская была слишком реальна для воображения и в этом смысле, безусловно, уступала королеве Пруссии, отелю в Калининграде и уж тем более «Коварству и любви» Фридриха фон Шиллера.

Так что Джони ограничился лишь общим описанием Луизы Андриевской под впечатлением их первой встречи. «Невероятно, – пишет он. – Передо мною стояла живая Луиза – в кедах с розовыми шнурками и вельветовых джинсах. У неё были усталые глаза, длинные ресницы и акцент, будто

она прилетела из галактики М33».

Складывалось впечатление, что Джони не хватало реальных отношений с Викой, и он всячески пиарил собирательный образ Луизы. Пиарил с радостью и увлечённо, но не для того, чтобы продать, а скорее для собственного удовольствия. Метафорически – он принимал брак, чинил его и возвращал покупателю: «Вот ваше устройство, – Джони как бы лучился божественным светом, – оно исправно и готово к работе».

Кульминацией в развитии собирательного образа стал ураган «Катрина», пронёсшийся над Луизианой в августе 2005-го. Высота волны достигала семи метров. Она разрушила искусственную дамбу и подчистую смыла Новый Орлеан – крупнейший город штата.

«По сути, – записал тогда Джони, – это был структурный брак в системе проектирования города и, в частности, его защитных сооружений». Структурный брак был допущен на ранних стадиях проектирования и в итоге сотряс всю конструкцию – одновременно и со всей жестокостью.

VII

Если и ошибаться, думал Митя, то по мелочам и, уж конечно, не в начале проектирования. Чем раньше допущена ошибка – в том числе и поспешное соединение людей, – тем последствия более разрушительны. Митя не видел здесь никакой загадки. Тщательно продуманный механизм имеет лучшие показатели надёжности, он исправно функционирует вне зависимости от срока гарантийного обслуживания и ломается лишь по мере физического износа. Устройство же, спроектированное абы как (пусть даже и качественно собранное), напротив, ломается быстро, не выработав гарантии. Такое устройство уж если сломалось, так сломалось – чинить его бесполезно.

Взять хотя бы Пизанскую башню – идеальный пример структурного брака: сколько ни выравнивай её – она всё время падает.

То же касалось и Джони с Викой Россохиной. Они падали уже при одной мысли друг о друге. Джони падал от любви, а Ви от неприязни. Ни о каком их соединении не могло быть и речи. Как и у Флобера с Луизой Коле, между ними была в своём роде эстетическая несовместимость.

Вероятно, несовместимость была и у Хьюлет с Лизой Берковиц, но здесь Митя остерегался прямых аналогий. Он не считал себя гомофобом и, более того, придерживался есте-

ственных причин однополрой связи. Он точно знал – однополлая связь обусловлена биологически, она является следствием эволюции и представляет собой часть всё того же разнообразия. Иначе говоря, Митя исходил из сложности человека.

В самих отношениях Кати Мануиловой и Лизы Берковиц он не видел никакого структурного брака. Связь и в самом деле была самой прекрасной. Единственной ошибкой у них могла быть Луиза, думал Митя. При однополрой связи, рассуждал он, довольно трудно завести детей – какие уж тут дети. Успешный союз однополрой пары тем и прекрасен, что основан как раз на самих отношениях. Более того, дети, а в нашем случае Луиза Берковиц-Мануилова, есть не что иное как свидетельство гетеросексуальности. Митя не знал, что и думать. Ответ напрашивался сам собой: структурным браком в истории Хьюлет и Лизы было скорей недопонимание своей физиологии. Иными словами, они думали, что лесбиянки, а в реальности ими не являлись. Самое время оценить ущерб. Да разве ж его оценишь.

Не говоря уже о современной России. Как и Пизанская башня, она всё время падала. Здесь неуклонно падала продолжительность жизни. Падали экономические показатели, с крыш падали сосульки, люди падали на рельсы в метро, они падали с Большого Устьинского моста, падали духовно и физически, падали нравственно, а поднявшись, падали снова. Не падал только рейтинг «лидера нации». По информации

государственных СМИ, уровень доверия к нему даже рос, и такое фантастическое доверие как раз и было следствием настоящего структурного брака.

«От брака один ущерб, – заключил Митя. – Если только брак этот не умышленный». Митя по-прежнему сидел в «Граблях». Он никуда не спешил, и со стороны казалось, спасался одиночеством. А разве не так?

Умышленный брак, размышлял он – что абсурд, на котором можно неплохо заработать. К слову сказать, стоимость экскурсии в Пизу неуклонно росла. К 2016 году от посещения одной только башни организаторы выставки получали до 10 тысяч евро ежедневно. Вот и думай теперь.

Пизанский абсурд – как форма безответной любви. Альбом современного искусства, о котором писал Джони. Вика Россохина хоть и не искала там место, но всё ж таки нашла его, и Джонины записи как нельзя лучше подтверждали это. Иными словами, Джонину Пизанскую башню можно было продать. Магазин функционировал, но как – надо было ещё разобраться.

Новый Орлеан был восстановлен довольно быстро. Бактерия, поразившая затопленные дома, вскоре была побеждена. Особенно отличились научно-исследовательские подразделения, инженерные компании и страховые инвесторы. В целом работа вышла триумфом справедливости. Учёные, строители и банкиры бились, как солдаты на войне. Так и война,

не сомневался Митя, – умышленный структурный брак.

«В идеале, – пометил он на следующий день в своих учётных записях, – брак должен быть глобальным и всеобъемлющим. Непременным условием высокой доходности абсурда является его осмысленность. Осмысленный бракованный абсурд, – подчеркнул Захаров. – Производство и торговля браком – вот единственная перспективная отрасль в условиях дефицита энергоресурсов. Наиболее эффективное сочетание промышленности и культуры. Страница, альбом, тысячи альбомов современного искусства».

Митя казался счастливым. После скучнейших лет бездействия он вновь обретал интерес к работе, словно и вправду напал на стоящее дело. «После продажи покупателю, – продолжал он, – товар должен максимально быстро попасть в отдел гарантийного обслуживания, но не для обслуживания, как раньше, а лишь для учёта, после чего немедленно поступить снова в продажу».

И так до бесконечности, Митя поглядел на часы. Если разобраться, отношения Джони с Викой Россохиной мало чем отличались от приведенной схемы. С утра Джони приходил в магазин, Вика продавала ему бракованную любовь, он тут же сдавал её назад, а на следующий день всё повторялось. В своём роде Пизанская башня, абсурд – как следствие структурного брака, на котором не грех было бы заработать.

Часть вторая. Комиссия

I

День выдался пасмурным, как Митя и любил.

18 августа 2005 года, за десять дней до «Катрины», Джони окончательно рассорился с Vi. Перед тем он отправил ей пару ничего не значащих SMS. Вика не отвечала, а чуть позже с Викиного телефона позвонил её друг Шива, прости господи. Он хотел, чтобы Джони не писал ей писем, но Джони считал, что это никого не касается, кроме него и Vi.

Правильно считал, и ей следовало поскорей объясниться. Вика могла не любить его сколько угодно, но Джони не сделал ей ничего дурного и не заслуживал унижения. Битый час он домысливал её мотивы, да всё без толку – домысливать там было нечего.

К вечеру Джони вообразил себя сломанным механизмом и, как он пишет, «прикатился на своих колёсиках к морю». Его взору предстал галечный пляж и пустынный берег с перевернутой лодкой. Волны накатывали одна за другой. В будущем ему предстояло воссоздать потерянную любовь, что он и сделал.

Спустя пять лет Джони исписал четыре увесистые тетрадки, передал их Мите Захарову, а ещё через год исчез.

Исчез, да не совсем. Час назад Митя наконец напал на след – спасибо Тайке Нефёдовой. Судя по Джониным записям, он увлечённо работал с нею, они много переписывались, хоть встречались и редко. Хьюлет помнила её по «Прекрасному миру компьютеров», но Тайка продержалась там от силы лето.

– Не знаю, что и сказать, – призналась Хью.

– Что ж, и не надо, – ответил Захаров, а наутро загулил «Нефёдова, пиар-менеджер», и всё разрешилось само собой. Та как раз сидела на сайте «Пёс и кот».

– Я вас не знаю, – написала Тайка в их форуме.

– Я вас тоже.

– И что?

– У меня потерялся кот.

Нефёдова любила котов. Она любила псов. В сущности, она любила весь мир. Так они и познакомились.

Тайка дала ему свою почту, они обменялись телефонами и довольно неожиданно для обоих оставались в чате ещё час или два.

– Вы и вправду занимаетесь котами? – спросил Митя.

Да чем она только не занималась! «Пиар-менеджер информационного агентства Римус» – стояло у Тайки под фотографией. Она пиарила всё вокруг. Тайка пиарила котов, псов, аллигаторов в Московском цирке, продукты питания, промышленные товары, производителей продуктов питания

и промышленных товаров. Она пиарила новости, тех, кто пиарил эти новости, божественное происхождение этих новостей и самого Господа Бога.

– Джони?

Да, она пиарила Джони. Тайка пиарила его рассказы, иллюстрации к ним и фотографии. Они неплохо заработали, но уже год или два от него нет ни единой новости.

– Хотите, встретимся?

– Хочу.

Митя и в самом деле хотел. К тому же он прекрасно знал: то, что однажды пропиарено, останется на века. Странно, что эта акция прошла мимо, ведь он искал. Он обыскал весь Интернет, но так ничего и не нашёл.

– И не найдёте, – Тайка будто играла с ним. – Всё продано, магазин закрыт, – добавила она.

– А новости?

– Мы убрали все новости, – отрезала Нефёдова. – На вырученные деньги Джони купил дом на Мясницкой – он называл его «планетариум», – и пиара больше не хотел, – здесь Нефёдова поставила закрывающую скобку. – Так что новости если и остались, то в полицейских архивах, но мы в полицию не попадали.

Надо же, Мите и в голову не приходил такой сценарий. Тайка с ходу отвечала на его вопросы. Она словно читала его мысли. Читала бегло и безошибочно. Митю будто пиарили без его ведома, а он стоял на своём светофоре и слушал

дождь. Дождь к тому времени набрал силу, но вдруг вышло солнце и показалась радуга.

– Радуга показалась, – написал Митя в чат.

– Митя, мне не до радуги, – ответила Тайка. – Хотите, встретимся – или поздно вечером или завтра?

– Поздно вечером, – он вдруг понял, что хочет как можно скорей увидеть её. За все эти годы технического прогресса Захаров так и не привык к виртуальной связи. Нет, виртуальная связь не по нему. Суходрочка, одним словом. – Скажите куда – и я заеду.

Он заехал за ней к Рождественскому бульвару. Тайка поджидала его у бывшего магазина «Додо» и улыбалась. На ней была зелёная куртка с капюшоном, светлые джинсы и зимние кеды Converse из серой замши.

– Чему вы улыбаетесь? – спросил Митя, высунувшись из машины.

– Вспомнила кое-что, – Тайка открыла дверь да так и простояла с минуту, давая осмотреть себя.

Захаров не ошибся: от Нефёдовой исходило очарование буржуазии. Она излучала кротость и одновременно силу характера. Митя вдруг подумал о Ксении Собчак. Ему нравилась эта правозащитница, хоть та и называла себя лошадкой. Никакая она не лошадь, противился Митя. Отсидев год или два в тюрьме, Собчак взялась за старое и теперь не выходила из студий западных радиостанций. Так же как и Нефёдова, она знала, чего хотела, и знала, как этого добиться. Короче

говоря, Митя слушал Собчаков голос на «Радио Свобода», и ему становилось легче.

– Куда поедем? – спросил он.

Тайка поправила джинсы и пристегнулась.

– К Джони домой, у меня есть ключи, если вы не против.

– К Джони домой? – Митя не верил своим ушам. Он снял очки, достал бумажный платок и принялся чистить стёкла. Захаров не скрывал смятения, и в сущности его действия были рефлекторны. Он приуныл и подёргивался, словно мышшь в лаборатории Германа Людвига Фердинанда Гельмгольца. Этот Гельмголец изобрёл офтальмоскоп для изучения глазного дна, но прежде много работал и препарировал животных.

– Я же вам говорила, он купил планетарий на Мясницкой, помните?

Митя, конечно, помнил, но как-то не придавал этому значения – мало ли что наговорит тебе пиар-менеджер с лицом Ксении Собчак.

– Мы устроили Джони выставку в «Винзаводе», продали его книжки и с полсотни картин, – Тайка всё смотрела на Митю, а тот шурился на свет и будто не слышал. – Довольно живописные картины, хоть и в гуаши, – не унималась Нефёдова.

– Что ж, поедемте.

– Только сначала попьём кофе, – Тайка крутила головой. Нет, так же как и «Додо», здесь давно уже не было и кафе

«Бульвар». – В «Шоколаднице», – добавила она, – это по сути там же.

«Шоколадница» и вправду оказалась там же – всего в нескольких метрах от Джониного подъезда. Митя прекрасно знал это кафе в подвале с белоснежной плиткой. Под потолком там висели два кондиционера. Кондиционеры исправно функционировали круглый год, если только Митя ничего не напутал.

Напутал. Летом 2010-го, когда над городом стояла мгла от лесных пожаров, они как раз и не работали. Структурный брак, если хотите. Кондиционеры починили лишь к ноябрю, но тогда они были уже без надобности. Что ни день, здесь ставили хиты 60-х. Beatles, Simon and Garfunkel, да кого только не ставили. Трудно придумать что-либо более за-taskанное. Брак – убеждался Митя. Всё тот же структурный брак. С утра он поступал в продажу, к закрытию кафе он ставился на обслуживание, а на следующий день всё повторялось сначала. И самое главное – этот аудиоряд доставался «Шоколаднице» совершенно бесплатно, зато прибыли приносил – будь здоров.

Нефёдова тем временем взяла эспрессо и, выпрямив спину, курила тонкую сигарету с зелёной полосой.

– Возьмите и себе что-нибудь, – сказала она.

Можно было и в самом деле что-нибудь взять, но Митя ничего не хотел. Он прошёл в туалет, вымыл руки и вернулся на место.

– Что-то не хочется. Но почему вы так улыбались, когда я приехал за вами?

Тайка и сама не знала. Джони как-то прислал ей рассказ про магазин «Додо» – вот она и вспомнила. В этом рассказе Джони размышляет о редкой способности людей к плодотворному общению. В качестве примера он берёт Германа Людвига Фердинанда Гельмгольца и Нефёдову.

ГЕЛЬМГОЛЬЦ И НЕФЁДОВА

Рассказ начинался непринуждённо и с долей иронии: «А не пригласить ли Тайку Нефёдову на свидание в книжный магазин “Додо”? – подумал Герман Людвиг Фердинанд Гельмголец в прошлую субботу и пригласил. Наутро профессор Берлинского университета терзался и не понимал, к чему всё это. “Додо” ему не нравился, а Нефёдова вызывала в нём болезненное ощущение популярного искусства».

«Популярное искусство готовит идиотов», – смеялась как-то Вика Россохина и была права. Похоже, Vi упоминалась чуть ли не в каждом Джонином рассказе. Счастливые и, как им кажется, свободные, они (идиоты) представляют собой наиболее удобную публику для современных диктаторов. Здравствуйте, Роберт Мугабе, Польш Бийя и Владимир Путин. «Нет, в самом деле, – вопрошает Джони, – разве представишь в этом лагере Ричарда Бротигана, Кнута Гамсуна или, скажем, Даниэля Каца?»

«На хуй “Додо”», – ругался Герман Людвиг Фердинанд Гельмгольц в своей лаборатории. «На хуй “Додо”», – ругался и Джони в своих записях. Это чувствовалось сразу. Джони будто искал необходимую форму для обращения к Тайке. В сущности, он любил её, но любил в воображении, и то – время от времени. Её образ, подобно Vi был тряпичной куклой в «Галантерее О. Г. И.». Кукла улыбалась ему через витрину, а в ответ Джони кивал ей и будто прощался.

Люди вообще уходили из его жизни.

После разрыва с Викой их оставалось всё меньше. Один за другим они покидали видимое пространство и перемещались сначала в голову, а там и в корзину.

Хоть бы Тайка не нашла «Додо», думал Герман Людвиг Фердинанд Гельмгольц. К середине повествования Джони как бы планирует финальную сцену. «Впрочем, так и вышло, – неожиданно замечает он. – В последний момент Тайка передумала, и тогда немецкий физиолог испытал небывалую радость. Он будто избежал тяжёлой физической работы. Без людей ему и вправду было лучше».

Во второй части рассказа Джони со всей силой использует аллегорию. Вот что он пишет: «Находиться вдали друг от друга – напоминает картину Дали “Постепенная утрата различий между изображением на обложке и реальным предметом”, будь такая картина в действительности. Художник расплатился бы ею в “Додо”, так ничего и не купив, зато отлив в служебном туалете и убив там муху».

Эта муха особенно нравилась Тайке Нефёдовой. По её словам, она сразу же поняла идею рассказа. Находясь вдали от Джони, Тайка и сама чувствовала себя более независимо. В её представлении Джони и его образ давно соединились, утратив всякие различия. Нефёдова будто убила муху в туалете. «Прошлое лишено времени. А раз так, – размышляла она, – тут и думать нечего». Тайка и знать не ведала о магазине «Додо» и не собиралась туда – ни сейчас, ни позже. У неё над головой висело синее небо, а Джони был словно навес на остановке и это небо заслонял. Иначе говоря, Тайка проявляла благоразумие – не заглядывать же в глаза попусту.

В заключительной сцене Джони как бы домысливает их отношения с Нефёдовой. Он словно отбрасывает все различия между ними и предлагает сосредоточиться, условно говоря, на «Додо».

«И всё же в этом “Додо” что-то было, – продолжал он. – Приближался к концу сентябрь, а тёплая погода всё держалась. Однажды в один из таких дней Тайка сидела в веранде “Япоши” у Рижского вокзала. Ветер трепал брезент, и эта часть реальности не требовала от Тайки никакой связи: ни с Джони, ни с кем бы то ни было. В воздухе кружился запах кофе. Ожидая, пока принесут капучино, Нефёдова просмотрела в «Профи-Форекс» биржевую сводку и теперь листала «Продовольственный бизнес» (маркетинг и реклама продуктов). За летний период на рынке компьютеров не появилось ничего путного, и Тайка всерьёз подумывала, а не пропиа-

ритель ли ей что-нибудь из еды. Новые продукты питания появлялись в огромном количестве и независимо от времени года.

«В сущности, подойдёт любой способ», – прочла она как-то в «Рекламных идеях». Являясь совершенно неотъемлемой частью человеческой жизни, еда и продаётся проще всего. Реклама съестных продуктов проста и бесхитростна. Был бы бренд, размышляла PR-менеджер.

Ясно, что под «брендом» Джони предполагал нечто и вправду стоящее. Что-то, что могло бы сделать отношения между людьми более предметными, что ли. «Взять хотя бы магазин “Додо” – лучше названия и не найти», – размышляет Тайка, а Джони, словно вторит ей в финале: «Туда захочешь прийти уже просто отлить, а тем более убить муху».

– Теперь вы понимаете? – спросила Тайка.

Да, Митя понимал. Он читал эту заметку, но она хороша в контексте, а Тая там хоть и играла не последнюю роль, но выглядела как-то чересчур ограниченной.

«Додо» так и не вошёл в сборник Джониных рассказов, изданных «АСТ», зато подтолкнул Нефёдову к серьёзному пиару. Иными словами, Тайка вдруг поняла, что сможет заработать и на «Додо», и на Джониных живописных картинах, и на этой Пизанской башне, которую Джони построил, что ни день – поправлял её, а та падала, пока однажды не обрушилась вовсе.

II

– На головы мирных граждан, – закончила Тайка, немного помедлив и переведя дыхание.

– Что вы имеете в виду?

– Его рассказы признали экстремистскими, и долгое время он был под следствием, пока однажды не сбежал.

Последнее сообщение от Джони Тайка получила в ноябре четырнадцатого года. Он писал из Коктебеля в её блог и называл себя мучеником за демократию. «Сито мусеники за димокараси (светлая им память)», – припомнил Митя «Колыбель для кошки» Воннегута. Припомнил и обрадовался – он не так уж и одинок. Образы, взятые из книжек ещё в детстве, никуда не подевались. Они жили в его голове и время от времени показывались, узнав, непонятно как, его мысли. Они возникали перед глазами и одним своим видом поддерживали его.

– Джони снял себе дом в Биостанции, – продолжала Тайка, – и часами стоял у моря, выглядывая КОРАБЛЬ.

«Я тут выглядываю корабль, – писал он Нефёдовой, но что-то никак. Что-то его не видно, а мне бы так хотелось его дождаться. Вероятней всего, – предполагал Джони, – это будет сухогруз с аравийским песком, идущий из Джидды в Бургас. Но я не поплыву на нём, а лишь провожу взглядом сожаления. Судно будет набито под завязку: песок, строительный

мусор, к тому же – гости Ганноверской книжной ярмарки, потерпевшие бедствие в Красном море и взятые на борт в Акабе».

Как следовало из письма, Джони намеревался проводить корабль взглядом сожаления и вернуться к работе над романом. Что за роман – неизвестно. Он писал, что это не займёт много времени, что ключи от его планетария у двери под ковриком и что, закончив последнюю сцену, он отправит рукопись Тайке. «Поступи с нею на своё усмотрение. Целую, Джони», – закончил он.

– И что, прислал? – спросил Митя. Насколько он знал, мученики за демократию, как правило, умирали понапрасну, так ничего и не достигнув.

– Нет, не прислал, – ответила Нефёдова.

Она допила свой кофе и теперь постукивала сигаретой о блюдце, словно торопилась, но в то же время и понимала, что торопиться некуда.

– Торопиться некуда, – сказала она.

Кондиционер в углу работал исправно. В «Шоколаднице» исправно подавали кофе и ставили популярную музыку. Тайка исправно рассказывала о Джони, и Митя исправно всё это слушал.

Механизм потребления работал исправно, убеждался Митя. Даже если Джони и не закончит свой роман – лишь бы он прислал его, и тогда Тая продаст эту книжку, чего бы это ни стоило. В сущности, исправность механизма потребле-

ния была основой современного искусства. За миллионы лет эволюции люди вполне адаптировались к земным условиям жизни. Они с удовольствием потребляли всё что ни попадя, а когда дело касалось секса и тем более любви – потребляли вдвойне.

Единственным конкурентным фактором здесь было насилие, но и насилие вполне вписывалось и в секс, и в любовь. Sex & Violence, – припомнил Митя группу Jane Air. Джони любил «Джейн Эйр». Он ставил их регулярно, в особенности, когда уставал от английской речи. Он то и дело искал в Интернете русскоязычные ансамбли, находил, но, как правило, разочаровывался – их русский ужасал. Ситуация напоминала магазин «Додо» – бренд что надо, но лучшим воспоминанием о нём по-прежнему оставались туалет и муха, так полюбившаяся сначала художнику Дали, а там и Нефёдовой.

Иначе говоря, Джони не повезло ни с русским, ни с русскоязычными группами. Именно поэтому в последние годы он мало с кем общался. Люди вызывали в нём презрение и скуку. В особенности это касалось его коллег, что и понятно: большую часть времени он находился с ними в одном офисе, и если не видел их, то прекрасно слышал. По его собственному признанию, коллеги были отвратительны ему. «Свора извращенцев, – писал Джони. – И в рабочее время, и на досуге они ублажали начальство, лишь бы угодить ему».

С 2006-го по 2010-й эти друзья выжили из офиса всех более-менее приличных людей и теперь творили там, что хо-

тели. Особенно отличился некто Козлаченко – ничтожный и самодовольный тип. Митя знал его – и правда козёл. Он руководил группой технических описаний. Должность получил по протекции. Для видимости критиковал существующие порядки, но в действительности являлся самым что ни на есть новым коммунистом: не терпел инакомыслия, всячески преследовал неугодных и поощрял холуёв.

Вот вам и ещё одна русскоязычная группа, размышлял Митя. Джони не позавидуешь. «Почему бы не соблюдать офисные правила, есть же такие?» – недоумевал фотограф «Прекрасного мира», но его сопротивление никто не поддерживал, а окружающие только удивлялись ему. Не смог помочь и директор. «У нас нет правил, – отвечал тот. – Мы руководствуемся здравым смыслом».

«На кой чёрт такой смысл!» – злился Джони и вскоре вообще прекратил всякое общение с кем бы то ни было. Исключением, судя по всему, являлась Тайка Нефёдова и, может быть, кто-то из тех, кто раньше работал с ним, но был репрессирован. Он повесил их фотографии в своей студии. Ясно, что Джони помнил их и считал пострадавшими от офисной деспотии. «Алексей Губанов, – подписал он каждый снимок, – Алиса Гончарова, Катя Жемайбук, Наташа Рёнэ – жертвы разнузданного террора, мученики за демократию».

Примечательно письмо, с которым Джони всё порывался обратиться к директору «Прекрасного мира», но так и не обратился. Текст датирован 26 октября 2010 года, как раз

в период репрессий против Наташи Рёнэ. Спустя несколько дней ей предложили уволиться по собственному желанию, что она и сделала. «Невольно задаёшься вопросом, – писал Джони, – неужели такое творится где-то ещё? – и тут же отвечал: – Безусловно, творится. То, что сегодня происходит смещение личных пристрастий и служебных функций, предсказывал ещё Франс Кафка в романе “Замок”. Милан Кундера в “Шутке” объяснил нам, как сообщество коллег способно сломать человеку жизнь из-за невинной шутки. И наконец, Флобер в «Бюваре и Пекюше» (да и в той же «Госпоже Бовари») приподнимает завесу над тайной глупости: она приспособливается и к добру, и к злу, и к невежеству, и к вам, господин директор, и ко мне. Вот я и хочу спросить вас: вы что, и вправду намерены работать с этой глупостью, как ни в чём не бывало и руководствуясь здравым смыслом?»

Кто бы сомневался, думал Митя. Работать с глупостью им одно удовольствие, да и прибыли больше. Странно, что Джони ещё держался. Держался довольно долго, а ведь его место с радостью занял бы кто угодно. Вот что говорит об этом Иосиф Бродский в эссе «Меньше единицы» (1976): «Как ни скромно занятое тобой место, если оно хоть сколько-нибудь прилично, будь уверен, в один прекрасный день кто-нибудь придёт и потребует его для себя или, что ещё хуже, предложит его разделить».

Впрочем, что теперь думать об этом. Не слишком ли Ми-

ты увлётся? История и впрямь развивалась словно детектив. В «Шоколаднице» между тем стихло. Он так ничего и не съел, рискуя получить нездоровую худобу. Надо бы как-то связаться с этими мучениками из Джониного офиса. Тайка всё постукивала Esse Menthol Super Slim о блюдце и разглядывала пирожные в витрине.

– Ну что, пойдёмте? – спросила она.

– Пойдёмте, – ответил Митя Захаров. Воспоминания отвлекли его, но не принесли облегчения. Он, как и Джони, с трудом переносил чужую боль, а с годами это чувство лишь обострялось.

Джонин планетарий располагался в доме номер 44 по Мясницкой улице, как раз напротив особняка XVIII века с аркой и коринфскими колоннами в фасаде. Они поднялись на последний этаж и вошли в комнату с узким окном и потолком в форме небосвода.

– Угловая комната под крышей, – сказала Нефёдова, – как Джони и хотел, – Тайка вела себя совершенно спокойно и чувствовала себя как дома. Она разделась, опустила жалюзи и включила звёздное небо. – Джони заметил этот дом ещё задолго до нашей выставки, – продолжала Тая. – В своих рассказах он то и дело приходил сюда с Vi, впрочем, вы знаете.

После исчезновения Джони Нефёдова по сути жила здесь. Ей нравился этот планетарий, опущенные жалюзи и звёздное небо. «Мне правда нравится», – не скрывала она. Тайка любила Джони, но Митя и без неё догадался. Она ждала, когда

же он вернётся, а его всё не было. «Как бы я хотела, чтобы он вернулся», – призналась Тайка сначала в кафе, затем у подъезда, а теперь вот и здесь – под искусственным небосводом.

«Ничего у них не выйдет», – размышлял Митя.

Он довольно внимательно изучил Джонины заметки, касающиеся планетария, и теперь доподлинно знал цену этой фантазии.

Вымышленный планетарий был главным местом, где Джони и Vi могли по-настоящему сблизиться. Даже в реальности, задолго до покупки дома, Джони приезжал сюда и часами стоял на противоположной стороне улицы, глядя в окно под крышей. «Дом трёх композиторов», как выяснил Митя. Здесь останавливались в разное время Ференц Лист, Пётр Ильич Чайковский и Клод Дебюсси.

«Наш с Vi планетарий», – называл его Джони. Как раз то, чего и недоставало их любви. Надо заметить, в этом самодельном космосе и Вика выглядела куда более интересной. Теперь она была не только Викой Россохиной, продавщицей розничного отдела. Она была Небом, Галактикой, да всем, что в сущности окружало их. Иными словами, планетарий представлял собой **МОДЕЛЬ СЧАСТЬЯ**.

Как и в Джониных описаниях, в реальной комнате под крышей не было изображений: ни фотографий Vi, ни тем более Тайкиных снимков. Здесь не было и «живописных картин», о которых говорила Нефёдова и которые, честно говоря, Митя рассчитывал посмотреть. Складывалось впечатле-

ние, что Джони не хотел никакой связи с внешним миром. Чистый вымысел, эфир, отсутствие гравитации – Митя огляделся, – если только не брать в расчёт телескоп в полкомнаты на рельсах да книжную полку у окна.

В основном там стояли старые издания «Иностранной литературы» времён Ильи Кормильцева, «Hi-Fi» Ника Хорнби, «Моя вторая жизнь» Пола Теру, «Дрессированные сучки» Виржини Депант и всё в том же духе – так и не проданные в начале 2000-х, уценённые чуть позже и выкинутые на свалку сегодня. Там же ютились «Окаянные дни» Бунина, «Гибель империи» Егора Гайдара, «Жёлтая стрела» Пелевина и его же «Жизнь насекомых».

Вот уж и в самом деле жизнь насекомых, подумал Митя и взглянул на Тайку. Нефёдова «поралась²» у плиты, как сказала бы его бабушка. Бабушка давно умерла, но память о ней осталась. Она так и сидела в его голове вместе с литературными героями из детства. Так что друзья у Мити были – как ни крути.

Тайка варила суп.

– Суп на курином бульоне, – сказала она. – С вермишелью, картошкой и зеленью.

Небосвод под крышей словно жил своей жизнью. Одна за другой там включались звёзды. Некоторое время они мерцали, затем постепенно гасли, и на смену им включались другие. Структура созвездий довольно быстро менялась. Каза-

---

² От украинского «поратися» – готовить, возиться на кухне. (Прим. авт.)

лось, перед нами была ускоренная картина мира. Вероятно, так появляются и исчезают галактики, решил Митя.

Впрочем, умерла не только его бабушка. Умерла его мама, умер его дедушка, так и не дождавшись последнего романа Стивена Кинга, умер Стивен Кинг, умер папа, узнав об аресте Юлии Тимошенко, умер Василий Аксёнов, Белла Ахмадулина, Милан Кундера – да все поумирали. Теоретически им на смену должны были прийти другие, но придут ли они? Митя раньше не задумывался об этом. Теперь же, глядя в тарелку с куриным супом, задумался.

– Тая, помните этот сюжет у Джони с рождением галактики? – спросил он. Даже если Тайка и не помнила, Митя не мог есть домашнюю курицу, не испытывая вины. – Галактика рождалась как раз здесь, в этой комнате, – добавил он.

К счастью, Нефёдова помнила. Придумав этот фрагмент, Джони сразу же прислал его Тае.

– Он у меня на телефоне, – сказала она.

В целом Джони написал десятка два рассказов, связанных с этим планетарием. Все они были весьма оптимистичными, их хорошо печатали, и они неплохо продавались.

– Вкусно?

– Вкусно, – ответил Митя. Он немного подумал, поправил очки и повернулся к Тайке. – Мне кажется, здесь и сейчас что-то рождается. Что-то приходит на смену бабушке, маме, дедушке, на смену прадедушке, который прибежал в Финляндию на лыжах, на смену этим лыжам, на смену всему, че-

го уже нет и никогда не будет.

И тут случилось совсем уж невообразимое.

Внезапно искусственный небосвод над ними погас, а спустя мгновение вдруг снова ожил, озарившись красно-оранжевым светом. Свет исходил из одной точки и распространялся всё дальше и дальше, подобно взрыву.

– Ускоренный Большой Взрыв, – сказала Тайка. – На наших глазах происходит преобразование космической энергии в материю, – Нефёдова подошла к окну посмотреть, что там. Там опустилась ночь, к остановке подъехал девятый троллейбус, огни у него были выключены, да и в салоне никого не было. – В будущем из этой материи возникнет реальность, – продолжала она, – в том числе ваша бабушка, мама, дедушка, ваш прадедушка с его лыжами, Василий Аксёнов с Беллой Ахмадулиной, ну и мы с вами.

Если разобраться, Тайка и приходила сюда как раз из-за этой материализации. Модель, созданная Джони, полностью соответствовала теории вибрирующей вселенной. Большие взрывы в доме номер 44 по Мясницкой улице следовали один за другим. На смену одной вселенной приходила другая, и так до бесконечности.

«В соответствии с теорией вибрирующей вселенной, – объяснял Джони, – взрывы циклически повторяются. Иначе говоря, до последнего Большого взрыва было, как и сейчас, только тише: пространство и время сжимались. В какой-то момент сжатие замедлялось. Яйца Господа нашего ед-

ва заметно покачивались посреди бескрайней пустоты и, переполненные донельзя жизненной силой, вдруг разлетались миллиардами сперматозоидов. Возникал свет, а там и очертания галактик. Именно эти сперматозоиды отвечали за новое пространство и время. Материя прошлых вселенных – вот мысль, которая приходит на ум и подменяет Вику воспоминанием о ней».

– Вы хотите сказать, что у Джони здесь вечная жизнь? – недоумевал Митя.

– Так и есть.

Именно так и было.

Перестроив заброшенный чердак в Доме трёх композиторов, Джони навёл там порядок, установил электрическое небо, солнечные батареи, телескоп и компьютер. Солнечные батареи давали энергию, телескоп применялся для различных целей, в том числе и для сбора данных о текущем положении звёзд, компьютер выполнял расчётные функции и общий контроль. Для управления системой Джони написал с десятков довольно простых программ и вскоре добился, чего хотел. По сути, он получил ускоренную модель возобновляемой жизни. Модель пусть и условную, но глобальную и весьма впечатляющую.

Казалось, всё ясно, но был ещё вопрос об ИСТОКЕ – из чего всё взялось в первый раз? Вероятно, здесь и пролегла бы граница между наукой и суеверием, а тяжёлые яйца Господа Бога всё качались бы туда-сюда, если бы не Vi. Джони как

раз слонялся у кинотеатра «Иллюзион» и смотрел на небо, когда получил от неё письмо. «Как же здесь тихо, – писала она, – не слышен крик.

Нет запаха, прикосновения.

По небу птица не летит.

Она упала и лежит.

Мне ничего не говорит,

Ища спасения».

– Что скажете? – спросила Нефёдова у Мити, а тот как сидел, склонившись над курицей, так и сидел.

– Не знаю, – ответил он.

Да и что он мог знать. Знание – радость. Редчайшее ископаемое во вселенной.

III

Извлечь радость из повседневности непросто.

В этом может убедиться каждый, стоит только задуматься. Именно поэтому большая часть человечества не хочет думать. И вовсе не потому, что эти люди глупые, напротив – они чрезвычайно умны. Умны от природы. Их инстинкт самосохранения развит в значительно большей степени, чем у остальных. Но при этом и радость их поверхностна.

Другое дело – докопаться до истины, рассуждал Митя. Докопаться до истины и рассмеяться. Но не безумным смехом и не придурковатым козлиным смехом – он наслушался его вдоволь, – а смехом искренним и отнюдь не безысходным. Взять, к примеру, Джони с его материей прошлых вселенных. Куда ни кинь – у него тут вечная жизнь. Так что бояться нечего. Ничто не омрачит вашей радости. Думайте сколько хотите и смейтесь в своё удовольствие.

Небосвод тем временем лучился миллиардами звёзд. Тайка давно уснула. В какой-то момент над нею навис Южный крест, а затем и он растворился в потоке ускоренного и доведённого до абсурда времени. Перед тем Митя спросил у неё, можно ли остаться на ночь.

– Можно.

Тайка вообще редко когда возражала. Добрый человек. В её понимании отношения между людьми имели смысл

лишь при эгоистической цели. Иначе говоря, если уж и перечить кому – то не на словах, а на деле. К тому же Митя предполагал к себе. По сути он ботаник, рассуждала Нефёдова, а такие не кидаются на вас при первой встрече, хоть в будущем с ними и беспокойно. Она постелила ему в кресле напротив. Митя прилёг да так и остался смотреть за небосводом.

Примерно в половине третьего он поднялся попить. Митя налил себе стакан воды и вдруг заметил у пенала «Романтического эгоиста» Фредерика Бегбедера и там же брошюру «Брак по расчёту». «Сто реальных историй из жизни, как устроиться за рубежом», – гласил подзаголовок. Вот это правильно, обрадовался Митя, и сон как рукой сняло.

Может, и Джони был романтическим эгоистом? – подумал он. Митя читал этот роман и теперь не без горечи констатировал – Фредерик Бегбедер тоже умер. И всё же брошюра «Брак по расчёту» нравилась ему больше. Истории, описанные в ней, были одна другой краше. Даже при том что номер этого «Брака» оказался двухгодичной давности, случаи, приведённые там, давали точное представление об иллюзорном счастье.

Взять хотя бы историю Маши Безруковой из подмосковных Грязей и Ягора Козела из Гнидовиц, что близ Праги. Они повстречались в пивном ресторане «Жигули» в Москве и сразу же полюбили друг друга. Через два месяца Маша и Ягор поженились и счастливые уехали в Чехию, где устроились всё в тех же Гнидовицах у Козела. Брак и в самом деле

вышел счастливым, а Безрукова хоть и не нашла себе работу, зато родила четверых расчудесных мальчиков. Автор заметки не без удовольствия перечислял их имена, словно подтрунивал над всем светом. Бзденок Козел, писал он, Андрейка Козел, Алёша Козел (в память о русском солдате-освободителе) и Владислав Козел. Все эти Козелы росли на удивление крепкими. Впереди у них было беззаботное детство, вполне обеспеченное будущее и так далее.

Митя и сам мог наклепать с сотню подобных историй, но дело не в этом. Хорош был именно МЕХАНИЗМ. Механизм и правда заслуживал внимания. Механизм выглядел практически идеальным. В браке были заинтересованы обе стороны – вот что главное. Маша Безрукова получала гражданство Европейского Союза, а Ягор Козел – прекрасное потомство. Митя не сомневался – молодые Бзденеки вскоре окупят себя. Да и затрат с ними, если разобраться, было немного.

Миновала ночь, настало утро. Воскресенье, третье апреля. Часы в заставке компьютера показывали 11:50. Хорошо бы ещё поспать, подумал Митя, но поспать ему так и не довелось. Из своей постели на него смотрела и улыбалась Тайка Нефёдова, пиар-менеджер и литературный агент Джони Фарагута. «Джони Фарагут», – припомнил Митя 2003-й и тоже улыбнулся.

– Вот и утро, сказала Тайка.

Она укуталась в одеяло. В одной руке у неё был iPhone,

другой она убирала чёлку с лица и без умолку болтала.

– Пока мы спали, – говорила она, – прошёл дождь, возникло с десятков галактик, а над Хоккайдо пронёсся разрушительный ураган. За ночь на Земле умерло около 50 тысяч людей, родилось примерно 120 тысяч, но добрая половина из них – с врождёнными болезнями, включая болезнь Тея-Сакса. Вы слышали о такой болезни? – спросила Тая.

Нет, Митя не слышал.

– Это довольно редкая болезнь, возникающая из-за неполадок в геноме человека. Примерно до полугода ребёнок развивается без видимых отклонений, но однажды он перестаёт смеяться, – в этот момент Тайка и сама сделалась серьёзной. – Он не может стоять, сидеть и переворачиваться, – продолжала она. – Он вообще мало что может. К году этот ребёнок теряет зрение и слух, так и не научившись ни единому слову. Теперь он никогда уже не заговорит, не поднимется и не рассмеётся.

– Хотите, я приготовлю завтрак? – спросил Митя. За готовкой он хотя бы отвлечётся. Мысль о физической неполноценности приводила его в смятение. Можно ли вообще чему-нибудь радоваться, спрашивал он себя, когда вокруг столько несчастья?

– Хочу, – ответила Тайка.

Вопрос не из простых. Тем более непросто, что ответ был ужасен и который год он уже вертелся в Митиной голове, будь она неладна – здоровая, крепкая голова. Радоваться

могли лишь такие же больные люди, думал он, но больные не физически, а нравственно. Люди с духовными изъянами и знать не знали про Тея-Сакса.

Как видим – вновь структурный брак. Одна разновидность этого брака уравнивала другую. Те же, кто был посередине, либо откупались, и тогда смеялись, едва сдерживая плач, либо всячески обосновывали свою ухмылку у ворот Бухенвальда традиционным уже критерием справедливости. «Jedem das seine (каждому своё)», – говорили они.

Что любопытно – люди, занимавшиеся благотворительностью и делавшие – кто сколько мог – жертвования больным детям, вполне уживались с просвещёнными фашистами. «Бог рассудит», – разводили руками волонтеры. А ведь это были лучшие люди, не унимался Митя, носители толерантности, ангелы, возвысившиеся над временем.

Так что выхода здесь не предвиделось.

Митя лишь принимал брак, брал его на комиссию, но убеждался в своей беспомощности – обслуживание брака выходило слишком дорого. Ясно, что комиссия была бы не по карману среднестатистическому обывателю. Представление человека о человечности не выдерживало никакой критики. Брак вообще следовало бы признать неремонтопригодным. Иначе говоря, комиссия, о которой Митя с таким упорством размышлял, была не по карману и самому Господу нашему, Иисусу Христу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.